ПАВЕЛ ГОРОХОВ

ЗОЛОТАЯ ГВАРДИЯ

18+

Павел Горохов

Золотая гвардия

«Автор»
2026

Горохов П. В.

Золотая гвардия / П. В. Горохов — «Автор», 2026

Кирилл Денисов даже не представлял себе, что его ждёт после устройства на работу в Таможенное управление паранормально-инфренального контроля. Демоны, волшебные артефакты, мифологические чудовища, путешествия за рамки привычных пространств и времён, а также многое другое. «Золотая гвардия» — это искромётная смесь городского фэнтези, бюрократической сатиры и детектива с элементами мистики. Для всех, кто любит Стругацких, уважает Булгакова и хоть раз в жизни мечтал заглянуть за кулисы магической таможни — где вместо генералов правят архимаги, а вместо скучных протоколов пишутся легенды. Внимание! Книга содержит сцены курения благовоний, игры в шахматы на рабочем месте и общения с ифритами.

© Горохов П. В., 2026
© Автор, 2026

Павел Горохов
Золотая гвардия

Все герои и события являются вымышленными. Все совпадения случайны.

«Внутре смотрите, где у неё анализатор и думатель…»
А. и Б. Стругацкие «Сказка о Тройке»

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
О ВРЕДЕ КОЛОДЦЕВ И ПОЛЬЗЕ УНИТАЗОВ

— И что? — Алевтина Игемоновна — начальник отдела кадров Первопрестольной акцизной таможни (ПАТ — если сокращённо) — наморщила лоб и с противным скрипом отодвинула своим необъятным тазом доисторического вида стул. Признаться честно, здесь всё казалось доисторическим и уходящим в эпоху темного, но беззаботного социализма. Поэтому стул был просто обязан противно скрипнуть. Ему еще надо было дать почетную грамоту за взятый вес и за то, что он не развалился от этих ежедневных движений.

— В смысле? — Я подобострастно заглянул в пустоватые глазницы той, от которой зависела судьба молодого дипломированного археолога.

Алевтина Игемоновна протяжно вздохнула и еще раз, предварительно послюнявив средний палец, на котором красовался нешуточных размеров золотой перстень с гигантским синтетическим рубином, перелистнула относительно скромный фолиант моего личного дела.

— Тема вашего диплома «Оккультизм в языческих обрядах народов мира»? — спросила она таким тоном, как будто моя тема называлась «Гитлер как зеркало мировой истории».

— Да. — В моём голосе что-то предательски дрогнуло.

Лицо таможенной Фемиды внезапно просветлело, и начальственно-приказной тон сменился на доверчиво-таинственный шепот:

— Кирилл Олегович, давайте отойдем на пару минут.

Видимо, мой ошарашенный вид был настолько красноречив, что проходящая мимо секретарша, заглядевшись на меня, споткнулась о кулер и рассыпала по кабинету ворох офисной бумаги.

Начальница строго нахмурила брови, но тут же бросилась помогать ассистентке. Когда последний лист занял своё место в бюрократической иерархии, Алевтина Игемоновна разогнулась, издав звук, немногим отличавшийся от скрипа её стула, и уже чуть громче произнесла:

— Кирилл Олегович, я бы очень вас попросила…

На сей раз я немедленно встал и всем своим видом изобразил пионерскую готовность. Она окинула меня взором, полным подозрений, тихо вздохнула и вышла из кабинета. Я же, как безвольный агнец, последовал за ней.

Мы вышли в серый и унылый коридор, тусклые стены которого украшали безвкусные плакаты, объясняющие, как лучше покинуть этот бренный мир в случае атомной войны или химической катастрофы. Алевтина Игемоновна дошла до его конца и свернула в маленький тупичок, который, судя по бычкам, застрявшим в кадках с чахоточного вида растениями, использовался в качестве неофициальной курилки.

— Кирилл! — Она развернулась ко мне всем своим могучим торсом. — Зачем вам ПАТ?

От неожиданности я икнул и проблеял нечто невразумительное:

— Вы понимаете — высшее образование, а тут… как бы… армия… и вот…

— Я не об этом. — Начальник отдела кадров улыбнулась, судя по всему, самой обворожительной из своих улыбок, но стало ещё хуже. — Зачем вам эта бумажная работа? Вы археолог, а это такая редкость для нас! К тому же тема вашей научной работы просто обязывает вас согласиться.

— С чем?

— Ну как же. — Она засмеялась, хотя звук скорее напомнил крик атакующего птеродактиля. — Вам прямая дорога в ТУПИК.

— В куда? — сглотнул я.

— В Таможенное управление паранормально-инфернального контроля.

— Это какой-то розыгрыш?

— Ах, милый мой мальчик, — Алевтина Игемоновна понизила голос и внезапно перешла на «ты». — Если бы ты знал, сколько таких, как ты, мечтают работать на посту.

— На посту? — Я окончательно потерял логическую нить разговора.

— Ну, конечно, сразу в Управление тебя никто не возьмет, вначале придется поработать на земле, так сказать. А учитывая, что в ТУПИКе всего один пост, тебе туда…

— Прямая дорога, — неожиданно для себя закончил я.

— Вот и славно. Пойдем оформлять документы. — Она еще раз «обворожительно» улыбнулась и решительно двинулась к кабинету.

Официально пост носил гордое название — Паранормальный единственный центральный таможенный пост (сокращенно — Пецпост). Вообще, эта болезненная страсть таможни к сокращениям у людей образованных вызывала легкую улыбку, неизбежно ассоциируясь с «Республикой ШКИД». Адрес поста звучал не менее патетично — Мытищинская улица, дом 13. Стоит отметить, что далеко не каждый житель славного города Мытищи знает, что его город назван в честь таможни. Еще в 1460 годуп в селе Мытище с торговцев, шедших волоком из Яузы в Клязьму, взимали мыт, или мытную пошлину. Откуда и пошло старославянское слово «мытня» — таможня, которое, кстати, до сих пор сохранилось в украинском и белорусском языках. К моему несказанному счастью, улица Мытищинская находилась не в Мытищах, а недалеко от станции метро «Рижская», куда я и приехал в 8:30 утра, дабы начать свой первый трудовой день.

Погода была прекрасная. В старушке Москве властвовал мягкий, ленивый август. Над городом в нежной лазури плыли сонные облака, местами зеленые листья неспешно окрашивались в благородный золотой, дети и их суетливые родители всё еще отдыхали на курортах, позволяя менее обеспеченным москвичам дышать свежим, незагазованным воздухом.

Двадцать минут легкой прогулки донесли меня до заветной проходной. Надо сказать, что тринадцатый дом находился в месте, заметно контрастирующем с окружающей идиллией. С одной стороны недружелюбным бетонным забором его подпирало Пятницкое кладбище, с другой — унылое железнодорожное депо. Строение было невысоким — всего два этажа, но, судя по всему, длинным — за зеленым металлическим ограждением «хвостик» здания терялся. Окна со стороны улицы отсутствовали, радушно оставляя место здоровенным двустворчатым воротам с еще советскими звездами и неприметной дверце, обшитой дешевым, потрескавшимся дерматином. Ни надписей, ни какой-либо другой информации при входе не было. Создавалось впечатление, что это очередной засекреченный заводик, которых у нас в Москве пруд пруди. Я открыл дверь и попал в иной мир.

На стенах небольшой проходной висели иконы, обереги, амулеты, африканские маски и еще невообразимое количество всякой всячины. От резкого запаха я чуть не потерял сознание. При беглом осмотре можно было заметить как минимум полтора десятка различных приспособлений, из которых весело курились струйки дыма. Здесь были и лампадки, и кадильницы, и ароматические палочки, и неопознанные кальяноподобные сосуды. За зарешеченной стой-

кой, закрытой бронестеклом, на меня хмуро поглядывал здоровенный детина в черной форме с красным логотипом пентаграммы на рукаве.

— Хто? — явственно донеслось из маленького окошечка под стеклом.

— Инспектор, — гордо ответил я, просовывая в узкую щель только что полученное удостоверение. — Стажер.

Охранник презрительно хмыкнул. Хотя, глядя на его неотягощенную интеллектуальным трудом физиономию, я был готов поставить сто баксов, что значения слова «стажер» он не знает.

— Зачем? — внезапно спросил он, разрушая мой мозг.

— Работать, — автоматически ответило за меня подсознание.

— Надо позвонить, — «детина» еще что-то пробурчал себе под нос и, сняв трубку служебного телефона, застучал по кнопкам. Через пару секунд с той стороны ответили.

— Эта… — протянул охранник и покосился на меня. — Давыдов тут. Пропуск хочет… Ага, понятно. Есть!

Он брякнул трубкой и впился немигающим взглядом в мою новенькую ксиву. После пары минут изучения он зачем-то её понюхал и лизнул. Затем достал прозрачную колбу с надписью «Святая вода», макнул туда кисточку, пару раз брызнул на несчастный документ и стал ждать.

Я демонстративно зевнул и посмотрел на часы. 8:59 — не хватало еще в первый день опоздать на работу.

— Проходи… — наконец соизволил произнести недоверчивый «цербер», и мгновение спустя добавил: — …те.

Взяв удостоверение, я вошел на территорию Пецпоста.

Во внутреннем дворе окна были, а под ними расположилась массивная дверь, как мне показалось, из красного дерева. Над дверью красовалась огромная пентаграмма (копия той, что была на рукаве охранника), окаймленная надписью «ПЕЦПОСТ ТУПИК ГТК РФ». Правда, рядом с надписью стояла стремянка, на которой невысокий бородатый человек в заляпанном белой краской синем халате стирал грязной тряпкой подписанные в начале надписи буквы «П» и «И».

— Вот гады. — Он обернулся ко мне и сплюнул на землю. — Двухсотый раз оттираю. И ведь нету страха, понимаешь? Страха у них нету.

— У кого? — спросил я.

— Эх, молодежь, молодежь… — Неопрятный мужичок еще раз сплюнул и, отвернувшись, стал с двойным остервенением стирать ненавистный слог.

Я пожал плечами и зашел внутрь.

Помещение поста на удивление не соответствовало духу проходной. Не было здесь никакой мистической атрибутики. Обычный офисный коридор — белые стены, деревянные двери с блестящими позолотой номерками. Где-то слышалось стрекотание принтера. Пару раз выбегали миловидные девушки, вполне себе «office style» с папками и документами. Я же искал глазами дверь номер девять — кабинет начальника поста. Он, как и следовало ожидать, находился в самом конце коридора, отделенный от простых смертных, кроме всего прочего, небольшим возвышением. Я постучался.

— Войдите! — немедленно откликнулся раскатистый баритон.

Вельзевул Акакиевич Усьев — начальник Пецпоста — полностью соответствовал своей фамилии. Его пышные усы, подобно двум стогам пшеницы, топорщились во все стороны. Если бы Буденный дожил до наших дней и увидел это восьмое чудо света, то он либо покончил бы с собой, либо сбрил то недоразумение, что росло у него под носом.

— Здравствуйте, — почтительно сказал я, покосившись в угол кабинета, где два в высшей степени занимательных персонажа играли в шахматы.

Забегая вперед, скажу, что одного из них — высокого, двухметрового брюнета с шелковистыми смоляными бровями — звали Ингвар Поликарпович Архитипов. И был он заместителем начальника Пецпоста. А его невысокого, но вполне упитанного соперника, который даже на первый взгляд был старше своего оппонента лет на десять — Агностий Переславлевич Хитроопенко. И был он начальником отдела, в котором мне предстояло работать.

— Так! — грозно прогремел Вельзевул Акакиевич.

Защита Каро-Канна немедленно замерла, не успев развиться во что-то более-менее серьезное. Один из гроссмейстеров — Агностий Переславлевич — бодро вскочил и засеменил, грациозно двигая откормленным арьергардом, к начальственному столу.

— Дорогой Вельзевул Акакиевич! — эпатажно взмахнув рукой, начал он: — В сей скорбный час, когда наша Русь-матушка нещадно попирается ворогами Отечества, — Хитроопенко страстно закатил глаза и попробовал всплакнуть, однако вместо этого судорожно рыгнул и, смешавшись, продолжил: — Ироды нерусские стремятся погубить Державу нашу!

— А это? — прогромыхало сто тридцать килограммов живого мяса и ткнуло толстым пальцем в меня.

— Это? — Хитроопенко был явно не готов к подобному развитию событий.

— Это стажер, — раздался спокойный, даже немного ленивый голос Архитипова. — Давыдов Кирилл Олегович, 23 года, не женат, по образованию — историк, я бы даже сказал — археолог. В детстве переболел дизентерией.

Более точной характеристики мне не давал никто.

В это время Агностий Переславлевич яростно перелистывал бумаги, которыми был завален стол начальника поста. Наконец он нашёл искомое и, преданно заглядывая в глаза Усьева, подобострастно протянул ему документ. Я осторожно выглянул из-за плеча Хитроопенко — это был приказ о моем назначении.

— Непорядок! — грозно прорычал Вельзевул Акакиевич и, достав золотую перьевую ручку с замысловатой рунической гравировкой, поставил размашистую резолюцию: «Архитипову И. П., Хитроопенко А. П. В установленном порядке». После чего углубился в изучение других бумаг, потеряв ко мне всякий интерес.

— Добро пожаловать, сынок! — Агностий Переславлевич, наоборот, соизволил обратить на меня внимание и даже отечески похлопал по плечу. — Сало любишь?

Я потерянно кивнул.

— Эх! Сработаемся! — Он кивнул на свободный стул рядом с шахматной доской и вернулся к недоигранной партии.

Я присел на самый краешек и замер в ожидании диалога. Однако мои новые руководители настолько увлеклись шахматами, что я для них перестал существовать. Лишь спустя полчаса, под конец эндшпиля, когда белый король Хитроопенко яростно метался, пытаясь уйти от слона и одновременно не давая черной пешке Архитипова пройти в ферзи, почти что выигравший Ингвар Поликарпович повернул ко мне свое волоокое лицо и вяло проронил:

— Переславыч, пареньку бы место определить…

— А что, — не отрывая взгляда от доски, сказал Хитроопенко, — это мы завсегда!

После чего совершил неуклюжий маневр и подставился под мат. Не сговариваясь, они одновременно обернулись ко мне.

— Молод, — сказал Архитипов.

— Простоват, — вторил ему Хитроопенко.

— Глуп.

— Плуг.

— Лгуп.

— Нет такого слова!

— Ладно. Один — один.

Они раскатисто засмеялись, а я подумал, что ещё пара минут — и мой новый дом будет носить имя Петра Петровича Кащенко.

— Не тушуйся, — отсмеявшись, сказал Архитипов, — первую проверку ты прошёл. С ума не сойдешь.

— Во всяком случае, не сразу, — поспешно добавил Хитроопенко.

— Понимаешь, какое дело. — Архитипов потянулся, заложив руки за голову. — Пецпост — это уникальное место, где каждый день происходят такие чудеса, к которым не готов ни один нормальный человеческий рассудок. Мы занимаемся оформлением очень специфической номенклатуры товаров, для которой, кстати, создана своя ТН ВЭД.

— Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности? — не удержался я и блеснул интеллектом.

— Она, родимая, — улыбнулся Хитроопенко.

— Так вот. — Заместитель начальника нахмурился. — Товары, которые мы здесь оформляем и досматриваем, имеют непосредственное отношение к миру нематериальному, я бы даже сказал — к мистическому, магическому и, как следует из названия нашего поста, паранормальному. А порой встречаются такие экземпляры, которые и вовсе могут быть смертельно опасны…

В подтверждение его слов дверь распахнулась, и на пороге появился всклокоченный инспектор с круглыми от ужаса глазами:

— Катастрофа! — прохрипел он.

Мы стояли в досмотровой комнате. Архитипов внимательно разглядывал небольшую бронзовую вазу с тонким горлышком, сплошь испещренную арабской вязью. Хитроопенко ходил от стены к стене и без того небольшого помещения и периодически охал. Злосчастный досмотровый инспектор, которого, как оказалось, звали Игорь Львович, сидел в уголке на стуле, скорбно склонив голову.

— Как тебе в башку-то пришло её потереть? — задумчиво, но без тени злости, произнес Ингвар Поликарпович.

— Так я это… Желание хотел. Всего одно. Малюсенькое. У меня колодец на даче никак не достроят…

— Ты идиот?! — воскликнул красный от непривычной физической нагрузки Агностий Переславлевич. — Ты спецификацию читал?!

— Читал, — эхом отозвался Игорь Львович, — но невнимательно…

— Да я ж тебя по статье! — Еще больше покраснел Хитроопенко. — Без выходного пособия!

— Спокойно, Маша, я Дубровский. — Архитипов жестом остановил закипающего начальника отдела и взял спецификацию в руки. — Восстановим события еще раз.

Инспектор преданно кивнул.

— Итак, Львович, ты начал досмотр артефакта, относящегося к особо опасным грузам и классифицируемого по Паранормальной ТН ВЭД в позиции «специальные сосуды для хранения энергетического материала» и субпозиции «особо защищенные, демоновместимые емкости». Так?

— Так.

— Ты достал эту… — Архитипов повертел в руках «особо защищенную емкость», — ну, пускай будет — «вазу». И затем потер её.

Львович еще раз кивнул.

— Зачем? — Заместитель начальника поста впился своими ярко-голубыми глазами в несчастного инспектора.

— Так я это… — начал было Львович.

— Про колодец я уже знаю, — почти ласково сказал Архитипов. — Ты мне объясни, какого Мефистофеля ты захотел попросить желания у ифрита четвертого класса?

— Так я это…

— Львович, тебя что, заклинило? — Ингвар Поликарпович прищурил глаза и ткнул пальцем в спецификацию. — Тут же черным по белому написано — «Ифрит, 4 класс (по европейской классификации — демон-пересмешник, полиморф)».

Архитипов отшатнулся от белого листочка, словно это был его смертный приговор. Вечно семенящий Хитроопенко застыл, как вкопанный. Игорь Львович вначале покрылся красными пятнами, а затем сам стал похож на бледное пятно. В досмотровой повисла тревожная тишина.

— Простите, — не выдержал я, — может, вы всё-таки расскажете, что здесь происходит?

Архитипов, не обращая на меня внимания, отрешенным голосом обратился к Хитроопенко:

— А… разве они не запрещены к ввозу на территорию Российской Федерации?

— У них сертификат имеется, — грустно прошептал Агностий Переславлевич, — от Торгово-магической палаты Узбекистана. Они его для экспериментов привезли. Временно.

— Да теперь, похоже, что «насовсем». — Ингвар Поликарпович взлохматил свою буйную шевелюру. — Значится так — периметр перекрыть…

— Уже сделано, — проблеял виновник ЧП.

— Никого не выпускать и не впускать.

— Есть! — Игорь Львович вскочил со стула и направился было к выходу, но ловкий Хитроопенко успел его перехватить.

— По телефону, — мягко, но властно произнес Архитипов, — а тебя еще проверить надо.

— Так, я ж сам…

— Процедура такая. Сам виноват. — Агностий Переславлевич резким движением усадил подозреваемого на стул, набрал четырехзначный телефонный номер и начальственным голосом проговорил: — Хитроопенко беспокоит. Да. Красная тревога.

Мы сели. Стульев было только три, поэтому самый высокий из нас — Ингвар Поликарпович — примостился на краю досмотрового стола. Неловкая тишина повисла еще раз. Наконец я набрался смелости, открыл было рот, но Хитроопенко сам повернулся ко мне:

— Это — не проверка, — начал он, — просто ты, судя по всему, очень «везучий» малый… Демон-пересмешник — инфернальная сущность, которая может вселяться в небольшие органические объекты. В птичек, например, или в ёжиков.

— Ёжиков не трогай, — достаточно грубо отреагировал Архитипов.

— Он ёжиков разводит, — на полном серьезе сообщил мне Львович.

— На деньги, — сострил Хитроопенко.

— Дуры! — беззлобно ответил Ингвар Поликарпович — видимо, шутка была стара, бородата и затёрта. — Полиморф — другое дело. Он способен завладеть любым более-менее массивным телом. Отсюда он, понятное дело, не выберется, но внутри кровушку нам попортит.

— А что вы подразумеваете под «более-менее массивным телом»? — спросил я.

— Человека. — Архитипов почесал волевой подбородок. — Или там… лошадь. Но поскольку лошадей на Пецпосту нет…

— Есть один конь. Педальный, — вставил Хитроопенко. Львович виновато вздохнул.

— …то с вероятностью в 99 %, — продолжил Ингвар Поликарпович, — он вселился в кого-то из личного состава поста.

— Или из декларантов, участников ВЭД, работников склада… — начал перечислять Агностий Переславлевич.

— В общем, ситуация препоганейшая, — констатировал Архитипов.

— И как выявить… — Я попытался подобрать слово. — Заражённого?

Хитроопенко порылся во внутреннем кармане своего кителя и достал оттуда небольшую затертую книгу в черном кожаном переплете. На обложке позолотой блеснуло название «Некрономикон Российской Федерации». Архитипов ловко выдернул её из пухлых пальцев начальника отдела и перелистнул пару страниц:

— Ага. Где-то здесь. Основные признаки демонизации. Так… первый класс, второй, третий… Вот! Четвертый класс. «Отсутствие явно выраженных признаков… Внешне не отличим от нормального человека… Некоторая убогость лингвистических форм…»

— Это еще что? — спросил Хитроопенко.

— Словарный запас маленький, — пояснил Архитипов, — «общая угрюмость и заторможенность…» Нда, не густо.

— Под это описание у нас каждый второй подходит, — в очередной раз вздохнул Львович.

— Остаётся «ИЛ-2», — непонятно сказал Ингвар Поликарпович.

— Самолёт? — В который раз за сегодняшний день мои глаза полезли на лоб.

— Инфернальная ловушка — второго поколения, сокращенно «ИЛ-2». Настоятельно рекомендую начать с самих себя.

Подозрительно поглядывая друг на друга, мы вышли в коридор.

— Ты только не удивляйся. — Львович наклонился к моему уху. — «ИЛ-2» замаскирован под обычный унитаз. Поскольку туалет на весь пост один, это хороший способ обезопасить себя от всякого рода нечисти. Сами того не зная, сотрудники и гости поста регулярно проходят эдакую кармическую чистку.

— Кого-нибудь ловили?

— Было пару раз. Инкуб первого класса, пан — второго. В основном по мелочи.

— Получается, что первый класс — самый слабый?

— Да… А пятый самый сильный. Но выше четвертого я еще никого не встречал.

Мы подошли к серой дверце, на которой белели пластиковые буквы «WC». Архитипов вошел первым, за ним Хитроопенко и Львович. Последним зашёл я и на всякий случай закрыл щеколду. Вчетвером в маленькой узкой кабинке было тесновато. И вообще меня упорно не покидало ощущение абсурдности всего происходящего. Мы обступили скромный фаянсовый унитаз, который, по крайней мере, внешне ничем не отличался от сонма себе подобных.

— И как это работает? — спросил я.

— При смыве. — Архитипов протянул руку к металлической кнопке на крышке сливного бачка. — Прошу всех быть начеку.

Он нажал спуск и… ничего не произошло. Правда, спустя секунд десять я почувствовал лёгкое головокружение, да под потолком слегка мигнул пыльный плафон.

— Ну что ж, господа, могу вас поздравить, мы — чисты! — Ингвар Поликарпович повернулся ко мне. — Голова кружится?

— Немного.

— Ничего, это скоро пройдет, небось, не каждый день с тебя сглаз снимают.

— Сглаз?

— Ну да, небольшой побочный, но приятный эффект «ИЛ-2». У тебя что-нибудь болело?

Я вдруг понял, что зуб, который ныл вот уже вторую неделю, а дойти до врача никак не удавалось, внезапно прошёл.

— Зуб больше не болит, — ошарашенно пробормотал я.

— Я так и думал. — Архитипов улыбнулся белоснежной улыбкой и решительно вышел из туалета.

Представитель какой-то фирмы круглыми от удивления глазами наблюдал за тем, как четыре таможенника покидают одноместный ватерклозет.

— Ревизия, — оправдался Хитроопенко и, кашлянув, добавил: — Не везде еще у нас порядок! Ох, не везде! Нда…

Мы вернулись в досмотровую. Все, за исключением Ингвара Поликарповича, присели, он же стал мерить крохотное помещение семимильными шагами. Поскольку комнатка была небольшой, а размах ног замначальника вполне мог стать причиной тяжелой депрессии страуса, Архитипов делал три шага, упирался в стену, разворачивался и повторял сей маневр в обратном направлении. Спустя пять минут он, не останавливаясь, заговорил:

— Итак, резюмирую — «ИЛ-2» работает, я бы даже сказал, прекрасно справляется со своими должностными обязанностями. — Красноречивый взгляд в мою сторону. — Мы — не демонизированы. Это — плюсы. Минус всего один. Точнее, два — демон всё еще на свободе и… как нам проверить всех остальных? — немного нескладно закончил он.

— Да как! Просто. — Львович был рад исправить собственный косяк. — Надо, чтобы все захотели…

— Львович! — пресек нецензурщину Хитроопенко.

— Посетить «зону отчуждения», — нашелся я.

— Так лучше, — согласился мой будущий, хотя теперь уже настоящий, начальник.

— Нда… — задумчиво произнес Архитипов. — И как же нам это сделать?

— Приказать? — неуверенно предположил Львович.

— Конечно! Так мы и сделаем — войдём в кабинет, и Переславыч звонко объявит: «Всем срать!» — Нецензурное слово всё-таки прозвучало.

— Как вариант, можно использовать менее грубый глагол.

— Маразма ситуации это принципиально не изменит.

Мы задумались. На стене неспешно тикали дешевые китайские часы, в бестеневую лампу, прикрепленную к досмотровому столу, упрямо билась заплутавшая муха, время подходило к обеду.

— Ну не пивом же их поить! — не выдержал я.

Все одновременно повернулись ко мне.

— А хорошая идея, — неожиданно сказал Архитипов. — На глазах растет мальчонка.

Магазин был в пяти минутах ходьбы, но, пока я дотащил оттуда ящик пива, мой запас прочности иссяк. «Цербер», предупрежденный заранее, беспрекословно меня пропустил и даже помог донести ящик до входа на пост. У двери в кабинет, где большинство инспекторов занимались таможенным оформлением, терпеливо ждала ставшая мне почти родной троица.

— Красавец! — воскликнул Львович и потянулся к бутылке.

— Мать-пьяница — горе в семье! — ударил его по руке Хитроопенко и вернул емкость с пивом в принадлежащее ей гнездо.

— Ну, с Богом! — сказал Архитипов и резко открыл дверь.

В операционном зале (как оказалось позднее, на таможенном сленге этот кабинет назывался именно так) расположилось порядка десяти столов, за которыми, заваленные внушительными стопками бумаг, трудились инспекторы. Они беспрерывно стучали печатями, что-то перечеркивали, подписывали и визировали, создавая волшебную, ни с чем не сравнимую симфонию всепобеждающей бюрократии.

— Господа офицеры! — непривычным басом провозгласил Агностий Переславлевич. Музыка бумажно-чернильных сфер затихла. Два десятка заинтригованных глаз обратились к нему. — Рад вам сообщить, что у нас появился новый сотрудник — Кирилл Олегович Давыдов.

Хитроопенко мне подмигнул и вытолкнул на середину зала. Позвякивая ценным содержимым ящика, я оказался в центре всеобщего внимания.

— Прошу, так сказать, любить и жаловать! — закончил он.

Повисло неловкое молчание. Я же стоял как идиот с ящиком пива под прицелом целой артиллерии просвечивающих насквозь взглядов и не знал, что делать. Меня спас Архитипов — он вальяжно подошел, дружески хлопнул по плечу и в присущей ему неторопливой манере сказал:

— Кирюшка сегодня проставляется. Руководство поста не против.

— А если кто-нибудь не захочет? — шепотом спросил я.

— Родной чешский «Будвайзер»? Перед обедом? Любой захочет. Я бы даже сказал — трезвенник и язвенник, — парировал он и… оказался прав.

Народ радостно потянулся к моей коробке Пандоры и буквально за пару минут лишил её аппетитно булькающих сосудов. Мы еще некоторое время потоптались в кабинете и, убедившись, что наш коварный план сработал, вернулись к «WC».

Прямо напротив туалета стояла офисная банкетка с уже традиционными тремя посадочными местами. На этот раз без сиденья остался Львович. Он немного побродил по коридору и, не найдя ничего подходящего, примостился на подоконнике. Мы стали ждать. Признаться честно, засада была так себе, но другого способа проследить за работой «ИЛ-2», похоже, не было.

Волшебное и вполне предсказуемое действие этанола не заставило себя долго ждать. Не прошло и получаса, как личный состав потянулся к заветной двери. Инспекторы бросали на нас косые взгляды, но ничего не говорили. Хитроопенко делал вид, что рассматривает курлыкающих за окном голубей. Архитипов погрузился в показательное изучение Некрономикона, Львович пытался притвориться спящим, что плохо вязалось с его диспозицией. И только я не придумал отвлекающей модели поведения, поэтому просто глупо улыбался каждому встречному и зачем-то при этом кивал.

К концу обеда «зону отчуждения» посетили все. Самым стойким оказался молодой крепко сбитый инспектор по имени Кузьма. Но и его не миновала участь всеобщей зачистки, так что к половине второго Архитипов резюмировал:

— Ну, по крайней мере, это не кто-то из нас.

— Слабое утешение, — парировал Хитроопенко.

— А все прошли-то? — очнулся от мнимого сна Львович.

— Все, — вздохнул Ингвар Поликарпович.

— А вот и не все! — поражаясь своей наглости, сказал я.

— Ты-то откуда знаешь? — наморщился Агностий Переславлевич.

— Усьев! — гордо ответил я.

— Начальник поста, — ошарашенно прошептал Львович.

Архитипов судорожно перелистнул страницы Некрономикона:

— «При вселении ифрит четвертого класса, как правило, нестабилен», — зачитал он, — «поэтому при отсутствии закрытного амулета он вынужден каждые шесть часов менять носителя…»

— Закрытный амулет? — спросил я.

— Любая побрякушка со специальной надписью. — Львович махнул рукой. — Как правило — на санскрите или иврите.

— А если рунами?

— Чисто теоретически древние германцы тоже грешили этим делом, — сказал Архитипов, — но я лично ни разу не видел подобного артефакта.

— А я, кажется, видел.

— Где? — почти одновременно спросили они.

— У Усьева есть ручка…

— Золотая? — разочарованно хмыкнул Хитроопенко. — Нет там никаких рун. Я ему её лично на день рождения дарил.

— Похоже, что теперь есть, — сказал я.

— Ты уверен?

— Конечно! Он этой ручкой мой приказ расписал.

— Вот гад! — Львович аж соскочил с подоконника. — Это я про пересмешника, естественно. Он же сам нацарапал эти руны, тварь хитрая.

— Древнегерманская, — поправил Ингвар Поликарпович, встал и принялся мерить шагами коридор. — Итак, как ни печально, но все приметы сходятся.

Я вспомнил однообразно хмурую и, мягко говоря, немногословную речь начальника поста и был вынужден согласиться.

— Что будем делать? — Архитипов остановился передо мной и посмотрел на меня таким взглядом, словно я был заслуженным ветераном таможенной службы.

— Боюсь, что с пивом фокус не пройдет, — проворчал Хитроопенко.

— Это факт, — кивнул Ингвар Поликарпович.

— Надо украсть ручку, — сказал я первое, что пришло в голову.

— И… — Архитипов посмотрел на часы, — через час он вселится в кого-то другого?

— Так мы это… вазу туда поставим. У неё энергетика мощная, его сразу туда и засосет, — поддержал меня Львович.

— А кабинет запрем, — задумчиво кивнул Агностий Переславлевич, — там на окнах решетки. Даже если почует неладное — не выберется.

— Бред, конечно. — Архитипов потёр переносицу. — Но может сработать.

В кабинет №9 мы заходили с опаской.

— Главное — вести себя естественно, — прошептал перед входом Ингвар Поликарпович.

Мы, как нашкодившие школьники, всем скопом ввалились в святая святых Пецпоста и, натыкаясь друг на дружку, застыли на пороге. Усьев, или то, что было у него внутри, даже не поднял головы, замутневшим взглядом изучая очередной нормативный акт.

Первым в себя пришёл Львович:

— Представляете, намедни в нашей деревне котяра ощенилась… или правильно говорить — «окотилась»? — нарочито эмоционально начал он. — Короче, пять беленьких котят, а шестой — черный… как демон.

Хитроопенко незаметно всадил ему чувствительный подзатыльник.

— Ты соображай, что мелешь, — прошипел он.

— А мы в шахматы поиграем! — как обычно, разрядил атмосферу Архитипов. — Вот поиграем и работать пойдем. Верно, ребята?

— Да… — нестройно ответили мы и гуськом подошли к игральному столу.

Казалось, что Вельзевул Акакиевич не обращает на нас ни малейшего внимания. Хитроопенко принялся расставлять фигуры, опасливо поглядывая на шефа. Львович быстро наклонился и засунул злосчастную вазу под кресло. Мы же, не имея конкретного плана, держали очень тихий военный совет.

— Значит так, — как старший по званию начал Ингвар Поликарпович, — ферзь, — он украдкой показал на себя, — возьмет ключи от нашей победы, — его взгляд красноречиво упал на металлическую колбу с наклеенным номерком «9», которая стояла на краю стола начальника.

— Валет… В смысле — слон, — продолжил Архитипов. Хитроопенко, не оборачиваясь, кивнул. — А также конь. — Теперь кивнул Львович.

— Педальный, — злорадно вставил Агностий Переславлевич.

— Отвлекут внимание короля, — на этот раз мы кивнули все вместе.

— Ну, а пешка…

— А можно я буду турой? — зачем-то попросил я.

Архитипов посмотрел на меня, как на идиота.

— Можно. Так вот, тура… — Он намеренно сделал ударение на букве «у». — Поставит королю мат.

Я с ужасом взглянул на блестевший в руке Усьева артефакт.

— А потом все фигуры отступают. Всё ясно? — Замначальника поста закончил свой тактический монолог и, не дожидаясь ответа, направился к Вельзевулу Акакиевичу.

Хитроопенко задумчиво погрыз пешку и дурным голосом затянул арию герцога Мантуанского из оперы Верди «Риголетто»:

— «Сердце красавиц
Склонно к измене
И к перемене,
Как ветер мая!»

Львович потерянно огляделся по сторонам и, видимо, не придумав ничего лучше, метнул увесистую хрустальную пепельницу в окно. Стекло восторженно звякнуло, на секунду заглушив «оперного певца», и осыпалось сотней серебристых осколков. Предусмотрительно установленная решетка прервала короткий полет, и импровизированный снаряд постигла та же участь.

Усьев наконец соизволил поднять коротко стриженую голову и жутким, но при этом недоумевающим взглядом прожег своих подчиненных. Заветная ручка выскользнула из его пальцев. Вельзевул Акакиевич грозно привстал. Меня прошиб холодный пот.

— Да что вы себе позволяете?! — подобно грому пророкотал он.

— Всё! — Архитипов ловко схватил колбу с ключами и отступил к выходу.

Я, на секунду замешкавшись, подбежал к другой стороне стола, взял закрытный амулет, который оказался на удивление горячим, и опрометью вылетел за дверь.

Мгновение спустя все четверо стояли в коридоре, а Ингвар Поликарпович азартно ковырялся в замочной скважине.

— Закрыто, — констатировал он.

— Хорошо, что дверь бронированная, — заметил Хитроопенко, и в подтверждение его слов с обратной стороны обрушился такой ураган ударов, что штукатурка, и так не являвшаяся образцом идеального ремонта, посыпалась с потолка. Стена, в которую была вмонтирована дверь, задрожала, из-за неё послышались душераздирающие вопли. Из соседних кабинетов стали выбегать напуганные люди.

— Ремонт идёт. — Агностий Переславлевич подошел к ним и успокаивающе поднял ладони. — Гастарбайтеры. А что вы хотели? Дикий народ. Но ремонтируют безукоризненно.

— Возвращаемся на рабочие места, — поддержал его Архитипов, — ничего интересного не происходит.

Инспектора и декларанты разочарованно разошлись. Между тем шум за дверью стих.

— Ох, не нравится мне эта тишина, — нахмурился Ингвар Поликарпович и посмотрел на часы. — Ещё полчаса… Что-то здесь не так.

— А вдруг он вазу нашёл? — предположил я.

— На улицу! — скомандовал Архитипов, и мы послушно выбежали за ним.

Девятый кабинет, как и прочие офисные помещения, находился на втором этаже. Первый этаж занимал склад временного хранения (в просторечии — СВХ). Мы подошли к громоздким складским воротам и стали искать глазами нужное окно. Благо разбитая пепельница и её менее прочная жертва оставили на асфальте довольно четкие следы в виде многочисленных осколков. За решеткой царили мир и спокойствие.

— Как бы туда заглянуть? — спросил Хитроопенко.

Я повернулся и увидел давешнего мужичка. Он хмуро подметал двор.

— Так вот же! Я у него только сегодня видел стремянку.

— Гаврила! — позвал Архитипов.

Бородач сплюнул в пыль и недовольно подошёл:

— Чё те?

— Ну, во-первых, не «чё», а «что», — сказал образованный Ингвар Поликарпович, — а во-вторых — не «те», а «вам».

— Да пошёл ты! — Гаврила еще раз сплюнул и, развернувшись, собрался уходить.

— Десять баксов, — остановил его дипломатичный Хитроопенко и помахал помятой купюрой.

— Двенадцать, — неожиданно шустро обернулся мужичок.

— Каждому! — не удержался я и ловко увернулся от подзатыльника.

Агностий Переславлевич затравленно посмотрел в свой бумажник и, видимо, не найдя там мелких купюр, достал еще один червонец.

— Двадцать. И торг окончен.

Гаврила радостно выхватил зеленые бумажки и услужливо спросил:

— Чего изволите, господа офицеры?

— Лестницу тащи! — грубо ответил Львович.

— Тэнеммирт! — непонятно сказал дворник и куда-то побежал.

— Это он на берберском, — ответил Архитипов на мой невысказанный вопрос, — вроде «спасибо» по-нашему. Мы его нашли лет десять назад в ящике с молодильными мандаринами из Марокко. Малюсенький совсем был, как младенец недоношенный. Хотели в детдом сдать, да взрослеть он начал слишком быстро. Пока согласовали все бумаги, вон, гляди, какой бородач вымахал. Детдом отказал. И что делать? Пристроили по хозяйству. Вроде живет, не жалуется, но характер стал скверный. Вначале «Чебурашкой» называли, а потом, когда он стал понимать русский язык, послал всех в Рабат…

— Куда?

— В столицу Марокко. Ну, это он образно. — Архитипов улыбнулся. — И сказал, что теперь он Гавриил Мохаммедович Шестой…

— Это в честь ихнего короля, — подсказал Львович.

— А почему он белый? — спросил я.

— Ты у него сам спроси, — вздохнул Хитроопенко. — Убирается он чисто, ремонтирует тут всё подряд, но если задать ему какой-нибудь неприятный вопрос — пошлёт.

— В Рабат?

— В Марракеш, а может быть, и дальше…

Между тем загадочный подкидыш притащил ржавую, облезлую стремянку.

— Ар туфэт, — бросил он и, приставив лестницу к стене, пошел к своей метле.

— Ну? И кто полезет? — спросил Хитроопенко, как будто это была не его идея.

В этот момент из разбитого окна донесся леденящий кровь хохот, и «волшебная лампа Алладина» вылетела прочь. Она с характерным звоном пару раз ударилась об асфальт, чуток прокатилась и замерла прямо рядом с моими ногами. Архитипов вновь посмотрел на часы:

— Десять минут осталось. — Он наклонился и поднял уже основательно помятый сосуд. — Радиус действия этой штуки какой?

Львович достал спецификацию и пробежал её глазами:

— От трёх до пяти метров, дальше гарантия не распространяется.

— Значит, надо залезть на стремянку и держать её перед окном. — Ингвар Поликарпович безапелляционно протянул вазу мне.

— Давай, сынок, — ласково сказал Хитроопенко, — на тебя смотрит вся… — Он не нашёлся, чем закончить предложение, и от души троекратно расцеловал меня в щеки.

Я как в каком-то липком кошмаре, где тебе очень хочется что-нибудь сделать, но это никак не выходит, встал на первую ступеньку и начал жутковатое восхождение. У самой

решетки меня встретило слегка перекошенное лицо Усьева. Он не кричал и не выл, однако взгляд его покрасневших, безумных глаз заставил меня содрогнуться.

— Здрасьте, — испуганно произнес я и на всякий случай спрятал вазу за спину.

— Я тебя съем, — прошипело невидимое создание, — выпью твои глаза, разобью череп и высосу мозг.

Руки Вельзевула Акакиевича потянулись ко мне, но кованая преграда встала между нами непреодолимым барьером.

— Еще две минуты, — оптимистично крикнул снизу Архитипов.

— Ручку-то! — опомнился Львович. — Ручку кидай вниз!

Я похолодел и свободной рукой нащупал в кармане демонический артефакт.

— Не смей! — взвыл демон. — Я тебя озолочу! Ты станешь царём царей!

— Погоди, — немного осмелел я, видя, что решетка в обиду меня не даст. Затем вытянул руку и приготовился сбросить амулет вниз:

— Ты уже определись — «есть» или «золотить». Тут как бы принципиальная разница.

— Да я тебя!!! — заорал ифрит.

— Время! — крикнул Архитипов.

Я разжал пальцы, и золотая ручка в полном соответствии с законом всемирного тяготения упала вниз.

Навстречу мне вырвалась черная субстанция, напоминающая одновременно и жидкость, и дым. Она обдала меня зловонным запахом сероводорода и, обогнув дрожащее тело, нырнула в вазу. Ваза немедленно покрылась инеем, отчего я её чуть не выронил. Пальцы обожгло непривычным холодом. Я вздрогнул и судорожно вдохнул. Снизу, как в дешёвом американском блокбастере, раздались аплодисменты и ободряющие крики. Но мне было не до того — перед глазами всё поплыло, я как в тумане стал спускаться вниз, и уже на последней ступеньке потерял сознание.

ГЛАВА ВТОРАЯ,
АРХИВНЫЙ ЧЕРВЬ ИЛИ ДРОЖЬ ПОСТА

Не мне вам объяснять, что в жизни всё происходит совсем не так, как хотелось бы. Ты живешь, мечтаешь, порой совершаешь смелые и даже героические поступки. Но люди, которые тебя окружают, вполне могут этого не заметить, а если и заметят, то не придадут случившемуся того значения, которое придаёшь ему ты.

Минуло полгода с тех пор, как мы остановили злобного демона-полиморфа четвертого класса. Придя в себя после небольшой, но фееричной битвы, я считал, что теперь судьба моей карьеры решена и безоблачна. Руководство (которое я, кстати, спас) посчитает меня героем и сразу возвысит до должности, ну, скажем, заместителя начальника отдела. Я же буду мудро почивать на лаврах и в экстренных случаях давать всякого рода рекомендации и советы. На орден или там медаль я, понятное дело, не рассчитывал, но в общем и целом считал себя достойным некоторого количества признания и славы.

В итоге мне выписали премию в размере одной тысячи рублей. Усьев собрал личный состав в операционном зале и объявил устную благодарность. Народ вяло похлопал. И всё. Я вновь стал обычным инспектором-стажером, до которого никому не было никакого дела. Правда, вот здесь я немного слукавил — дело было. Начальство, как и любого другого новичка, определило меня в архив.

Про архив Пецпоста стоит рассказать отдельно. Представьте себе серый бетонный тоннель со множеством ответвлений, как в каком-нибудь бункере Сталина. Он уходит в тёмное ничто, и воображение подсказывает тебе, что этот тоннель бесконечен. В воздухе витают запахи плесени и безысходности. А по обеим сторонам тянутся такие же серые и унылые стеллажи, набитые одинаковыми кроновскими папками, которые, в свою очередь, набиты одинако-

выми и унылыми декларациями. Архив Пецпоста — это ад, куда по какому-то недоразумению забыли поселить чертей и разжечь пыточные костры.

Вышеописанная юдоль печали в дополнение ко всем своим «плюсам», естественно, находилась в подвале под СВХ. Иными словами, освещение здесь было искусственным и возможным лишь благодаря изнурительной работе ламп, названных в насмешку над дневным светом лампами «дневного» света. То ли в силу своего уже немолодого возраста, то ли дешевого китайского происхождения некоторые особо несознательные из них время от времени трещали и помигивали.

Хитроопенко проводил меня до входа в катакомбы графомании, как водится, похлопал по спине и назидательно произнес:

— Учись, сынок! Тута они все знания… тута…

Я открыл массивную металлическую дверь, которая более уместно смотрелась бы в атомном бомбоубежище, вздохнул и погрузился в холодный сумрак делопроизводства.

Первые десять минут неторопливой ходьбы я никого не встретил. Небольшая тощая крыса, которая сидела в углу, прижавшись к ледяной бетонной стене, не в счет. Она проводила меня глазами, полными нечеловеческой тоски, и секунду спустя жалобно завыла. Не запищала, а именно что стала тихонько подвывать. Я покрылся мурашками и на всякий случай прибавил шаг. Еще через пять минут, когда уже появилось желание развернуться и побежать обратно к выходу, впереди показался зеленый силуэт.

Несмотря на чрезмерную объемность форм и некоторую сутулость, этот силуэт принадлежал человеку. Некто стоял ко мне спиной и сосредоточенно перелистывал папки. Подойдя ближе, я понял, что ошибся дважды. Во-первых, это была женщина, а во-вторых, хоть она и была облачена в таможенную форму, на её спине из двух аккуратных разрезов кителя торчали прозрачные стрекозиные крылья. Они были основательно помяты и местами даже порваны, что, впрочем, совсем им не мешало время от времени вибрировать, издавая приятный шелестящий звук.

— А вы кто? — совсем неинтеллигентно начал я.

Странное создание неспешно обернулось, позволяя мне лицезреть уставшее лицо вполне себе обычной пожилой женщины:

— Гаэлина, — почти пропела она, но тут же зашлась сухим кашлем и уже грубее добавила: — Семёновна. Заведующая архивом Пецпоста.

— А-а-а… — Я многозначительно посмотрел на её крылья.

— Значит так, молодой человек…

— Кирилл, — вставил я.

— Да хоть Мефодий. — Она тяжело вздохнула. — Объясняю один раз и навсегда. Да — я фея, нет — летать не могу, как — в юности по дури отпила не из той бутылки, в которой оказался эликсир фей. Всё ясно?

— Так точно!

— Тогда держи список. — Гаэлина Семеновна достала из внушительной стопки, которую держала подмышкой, листок формата А4, сплошь испещренный четырехзначными числами. — И ищи.

— Что искать? — тревожно спросил я.

— Декларации. — Она еще раз вздохнула. — Видишь папки?

Я кивнул. Кроме нас с ней и папок здесь ничего не было.

— На папках — год и номера деклараций, которые туда вшиты. Тебе нужен 2001 год, номера деклараций в списке. Всё ясно?

— Так точно! — бодро ответил я и принялся за работу.

Через полгода бодрость прошла, уступив место глухой безнадёге.

Гаэлина Семеновна на удивление оказалась мировой старушенцией. Она была довольно мягким начальником. Никогда не ругала, не повышала тон и, если бы не сама суть нашего отупляющего труда, я бы с удовольствием остался работать под её началом.

В качестве бонуса по вечерам мы пили сладкий нектар. Нектар явственно содержал алкоголь — градусов 18–20, не более. Из всех фейских… или феянских? Короче, из всех способностей, которые дарованы феям, у заведующей архивом самой развитой оказалась способность создавать нектар. Я до сих пор не могу понять, как это работало, но ежедневно ровно в 18:00 в потертом электрическом чайнике обычная вода волшебным образом превращалась в этот божественный напиток. Причём каждый день он менял свой вкус — абрикос, ежевика, арбуз, дыня и так далее. Так что вечерами мы сидели за кружечкой нектара, Гаэлина Семеновна рассказывала мне истории из своего боевого прошлого, а мой молодой мятежный дух уже начинал мириться с существующим положением дел.

В один чудесный день вся эта, если так можно сказать, «идиллия» рухнула.

Пецпост, как и другие узкоспециализированные заведения, постоянно заваливали всякого рода запросами. У нас в стране, пожалуй что, самое большое в мире количество контролирующих инстанций. Они ничего не делают, не производят, не создают, но регулярно получают откаты… простите — зарплату. Так вот, эту зарплату надо каким-то образом отбивать. Любимый трюк этих «милых» людей — отсылка запросов. Сотни, тысячи деклараций, которые надо найти, отксерокопировать и переслать по указанным адресам. И никого не волнует, что большая часть этого богатства будет использована в соответствии с рецептом Оклока. Для тех, кто не в курсе, именно этот британец в конце девятнадцатого века изобрёл так называемые «бумажные бигуди», которые стали прообразом современной туалетной бумаги.

И мы ищем. Постоянно. Практически ежедневно. Но… Где-то раз в полгода одна из неизмеримого списка деклараций не находится. Её нет в своей папке. Её нет у инспектора, который осуществил выпуск товаров. Её нет нигде. И тогда приходит Усьев. Он топорщит свои генеральские усы, чем становится похож на кота Базилио, и сумрачно приказывает:

— Так! После работы никто не уходит. Пока не найдём… — Далее следует номер потерянного документа.

И наступает праздник маразма. Окончив свой трудовой день, инспекторы врываются в нашу подземную обитель и начинают искать. По-настоящему поисками занимаются в основном представительницы прекрасного пола. Потомки же Адама предпочитают углубиться подальше во чрево Пецпостского лабиринта и, найдя укромную тихую нишу, отдать свою душу и тело в услужение Бахусу. Или, проще говоря, бухнуть.

Сегодня случился один из таких дней. Шурик (все называли его именно так, поскольку по паспорту он проходил не иначе как Кузьма Шуриков) одним из первых проник в наше подземелье. Он задорно мне подмигнул и приятно звякнул сжатым в руке пакетом. Я, подобно ребенку из сказки про гамельнского крысолова, безропотно проследовал за ним. Гаэлина Семёновна вначале нахмурилась, но, увидев довольную физиономию Кузьмы, сплюнула и махнула мне рукой — мол, иди, помощников, вернее, помощниц, сегодня у меня будет предостаточно.

— Ну? — Шурик разлил по пластиковым стаканчикам вонючую коричневую жидкость, судя по бутылке, произведённую якобитом капитаном Ричардом Хеннесси, который после полученного в 1745 году ранения поселился в знаменитом городке Коньяк. — За любовь, за дружбу…

— За таможенную службу! — дружно откликнулось наше тайное сообщество, состоящее из четырех человек, и немедленно уничтожило плоды неистового труда гениального капитана.

С сообществом вас стоит познакомить отдельно.

Итак, наш скромный кружок имени Диониса включал в себя: понятное дело, меня, Шурика, Львовича (с которым вы уже знакомы) и молодого ветерана таможенной службы — Андрона Зиновьевича Каменева. Почему молодого? Сейчас я отвечу и на этот вопрос.

Ещё на заре таможенной службы 25 октября 1653 года царь Алексей Михайлович подписал Торговый устав, который год спустя инициировал Уставную таможенную грамоту. Родился в те времена темные, да смутные некто Андрейка Попович, это если по-простецки, по-крестьянскому, а если по-современному — сын священника отца Зиновия. Фамилию же свою он получил в наследство от деда — простого камнетёса, которого по древнерусской традиции прозвали Каменев в соответствии с его ремеслом. Был Андрейка смышлён с детства и позднее наукам обучен разным, так как батюшка его ума был редкого, проницательного, а боролся он с ересями оккультными, да чертовщиной всякой.

Стукнуло Поповичу тринадцать лет отроду, когда ведьмаки и чернокнижники загубить порешили веру православную. Мороки диавольские наслали они на столпы русской церкви — патриарха Никона, да протопопа Аввакума, чтоб они друг друга возненавидели и воспылали враждою жгучей. И вот, в год 1666 битва случилась между тринадцатью ведьмаками и дюжиной богатырей-святителей. Отстояли веру священники бесстрашные, но все до единого в битве той сгинули. Был среди них и Зиновий отец Андрейкин. В память о подвиге ратном пристроили сироту на государеву службу. А зная, чему обучен он покойным героем, назначили в пограничную стражу, да в тот отряд, что следит за ввозом и вывозом из Руси-матушки святынь чудотворных, артефактов демонических и прочего добра али зла мистического.

Долго ли, коротко, а минуло еще пару годков. Андрейка прослыл смелым и смекалистым воином. Не ведал он страха в борьбе с еретиками-контрабандистами, храбро сражался, не щадя живота своего, пару раз получал ранения средней тяжести. За что и стали его звать сослуживцы благородно, по-гречески — Андроном, а чуть позже и вовсе начали добавлять — Зиновьевич. И всё б ничего, да приключилась с ним в то время одна оказия.

Повадились люди лихие в обход пограничной заставы, не желая мыта платить, возить бочки с зельями колдовскими. Прознала про то стража и решила негодникам засаду устроить. И вот как-то ночью, когда очередной воз незаконно пересёк границу, выскочили из-за деревьев пограничники с саблями наголо. Вперед вышел авторитетный Андрон Зиновьевич, даром что пятнадцатилетний отрок, и грозно приказал контрабандистам сдаться. Кто ж знал, что один из разбойников роста был трехметрового и силищи недюжинной. Подхватил он легко, как пушинку, один из бочонков, да запустил со всего размаха в храбреца нашего. От неожиданности не успел Андрон увернуться, и ударил его бочонок прямо в грудь богатырскую. Упал сын Зиновьев на землю замертво, да, к счастью, от удара раскололся сосуд деревянный, и вся жидкость, что в нём была, с ног до головы окатила служивого. На радость пограничной страже, оказалась та жидкость «водой живой» — зельем редким, к жизни возвращающим.

Так что выжил Андрон Зиновьевич, и не только выжил, но еще и побочный эффект получил. Дело в том, что «живая вода» — дорогое удовольствие, в наше время почти не встречающееся. И употребляют её в небольших, я бы даже сказал, мизерных количествах. Для стандартного воскрешения, к примеру, в случае смерти от физического воздействия, достаточно трех-четырех капель. А Андрон в ней фактически искупался. Вот и приостановился в нём процесс старения. Нет, бессмертным он не стал, но за последние 300 лет с хвостиком постарел от силы лет на тридцать.

И сейчас этот на вид сорока — сорокапятилетний мужчина в самом расцвете сил как ни в чём не бывало стоял напротив меня и пил коньяк, изобретенный тем, кто годился ему в праправнуки. Принадлежность Каменева к седой старине выдавала лишь пшеничного цвета окладистая борода, которая плохо вязалась с таможенной униформой.

— Диду… — Кузьма лукаво улыбнулся. — А расскажи про «ледяное сердце».

— Да сколько ж можно?! — Львович не удержался и сплюнул.

— Тебе неинтересно — не слушай, а малой, вон, вообще не в курсе, небось. — Шурик многозначительно посмотрел на меня.

Случай поговорить с ветераном выпадал крайне редко, а уж услышать историю из глубины веков от непосредственного участника событий… Я размашисто кивнул, потом подумал и для убедительности кивнул еще раз.

— Ну хорошо. — Андрон Зиновьевич сделал рукой жест — мол, «наливай», вытащил из серебряного портсигара благородного вида папиросу и задумчиво закурил.

— Началось… — сварливо заметил Львович, но стаканчик виночерпию протянул.

Я с опаской посмотрел на стеллажи, забитые сухой бумагой, потом на тлеющий огонек папиросы, но возразить не посмел.

— Не парься, — засмеялся Кузьма, заметив моё замешательство, — он не взатяг.

— Ну… — Каменев поднял свой бокал. — Чтоб горели только наши сердца!

Мы чокнулись и выпили.

— Значить так. — Андрон оперся поудобнее о стеллаж и выпустил струю дыма, терпкий аромат которого больше ассоциировался с кубинскими сигарами, чем с папиросой. — Дело было в 1946 году. Время для нас тяжелое, неспокойное. Со всей Европы в СССР свозили тогда всякую дрянь, взятую в качестве трофеев. И ведь почти никто из провозящих не знал той чудовищной силы, что была сокрыта в этих артефактах. Везёт, скажем, младший лейтенант родом из Воронежа колечко незамысловатое из белого золота с камушком зеленым, навроде александрита. Колечко древнее, нашел он его в кармане убитого эсэсовца в замке Вевельсбург, а тот, в свою очередь, реквизировал его у старой цыганки из концлагеря Нидерхаген. А на колечко-то перед смертью цыганка успела повесить проклятие черной оспы, от которого никакие прививки не помогают. Если бы не наш пост — сгинул бы Воронеж, а может, и соседние города в придачу.

— Да… — ошарашенно прошептал я.

— И вот однажды приводят пограничники нам одного майора с чемоданом потёртым в руках. Докладывают, так, мол, и так, что-то не в порядке с его чемоданом. Я смотрю, а он весь инеем покрыт, хотя на улице жара, июль месяц. Ну, я его и спрашиваю: «Извольте объясниться, товарищ майор, что в чемоданчике?» А он как-то потерянно на меня посмотрел и рассказал такую историю…

Каменев сделал паузу и принял очередную дозу согревающего зелья. Львович показушно зевнул.

— Служил он в военной разведке. И забросила их судьба в Новую Швабию. Знаешь, где это? — Андрон с хитринкой прищурил глаза.

— В Германии? — Казалось, что моя логика работает как часы.

— Эх, деревня! — в который раз заржал Шурик.

— Новая Швабия, а года эдак с 1957 — Земля Королевы Мод, это кусок Антарктиды, — назидательно произнес Каменев.

— И что делать военной разведке в Антарктиде? — потерянно спросил я.

— Ты что? Совсем ТВ-3 не смотришь?

— Я вообще телевизор стараюсь не смотреть.

Андрон посмотрел на меня с плохо скрываемым уважением:

— Тогда слушай. — Он затянулся. — В период с 1939 по 1945 год немцы проводили тщательно скрываемую работу по созданию в Антарктиде нацистской секретной базы под кодовым названием «База 211». В 1942 году с помощью подводных лодок туда были переброшены сотни ученых и специалистов комплексного научного центра СС «Аненербе». Что они там делали и создавали — никто не знает. Именно поэтому 10 ноября 1945 года к берегам Новой Швабии отправились три советские подводные лодки под руководством адмирала Кузнецова. На борту одного из судов находился и наш майор…

Внезапно откуда-то с потолка хлынул поток воды. Он ударил как раз в тот стеллаж, который подпирал Каменев. Андрон Зиновьевич витиевато выругался по-старославянски и отскочил от шкафа:

— У вас что здесь пожарную сигнализацию провели?!

— Да не похоже… — Мы непроизвольно захихикали — бородатый таможенник в мокрой форме смотрелся очень забавно.

— Отставить смех! — Несмотря на суровый тон, Каменев тоже улыбнулся. — Айда спасать декларации.

Мы вчетвером окружили злосчастный стеллаж и с трудом оттащили его к противоположной стене.

— С тебя стольник. — Отдышавшись, Львович повернулся к Кузьме.

Шурик сделал недовольное лицо, но за кошельком полез.

— Ну вот, — вздохнул мокрый Андрон, пытаясь мокрой зажигалкой прикурить мокрую папиросу, — они на меня уже спорить начали.

— А ты чего хотел? — Львович возмущенно развернулся в мою сторону. — Вот уже два года этот палеозавр пытается рассказать нам грёбаную историю про «ледяное сердце» и… отгадай!

— Никак не может её закончить? — вяло предположил я.

— В точку! Каждый раз на самом интересном месте что-нибудь происходит. Пожар, землетрясение, метеоритный дождь, проверка, в конце концов. И хрен с ним с рассказом, но это происшествие оказывается таких разрушительных масштабов, что резко прерывает нашу благородную пьянку.

В подтверждение его слов сзади раздалось нежное контральто Гаэлины Семеновны:

— Что ж вы, ироды, делаете?!

Мы с резвостью, достойной образцовых пионеров, выстроились в ряд.

— Это не я, — неуверенно начал Кузьма, — оно само…

— Дорогая Гаэлина Семёновна… — распевно прогромыхал Андрон, выжимая свой китель.

Львович же, подавая мне мудрый пример, не проронил ни слова.

— Молчать, — негромко сказала заведующая архивом и, отобрав у покорного Шурика бутыль с коньяком, сделала приличный глоток.

Её взор обжёг наши сердца и устремился вверх. Там, скрытая таинственным полумраком неработающих ламп, притаилась вентиляционная решетка, из которой нагло хлестал подземный водопад. Прозрачные крылышки за спиной Гаэлины Семеновны возмущенно затрепетали.

— А вы знаете, что феи, долгое время живущие под землей, приобретают ряд новых навыков и заклятий? — тихо, как патологоанатом, прошептала она. — Таких, как превращение в крыс, тараканов, клопов…

— Над нами СВХ, — поспешно сказал я, ибо за полгода стал неплохо разбираться в топографии Пецпоста. — Это у них протечка.

— Так что ж ты стоишь, Кирюшка, — с легкой руки (точнее, языка) Архитипова моё имя на Пецпосту произносилось только так, — беги наверх и разузнай, что это за безобразие. И чтоб мухой — туда и обратно.

Я посмотрел на её крылья, не удержался и прыснул. Однако, перехватив взгляд, достойный гиперболоида инженера Гарина, побежал к выходу. Уже далеко позади раздался дружный смех моих менее сдержанных коллег и усталый, но от этого не менее звучный голос Гаэлины Семёновны:

— Обалденная шутка, а главное, свежая. Не надоело еще ржать, кони вы мои педальные?

Наконец металлическая дверь выпустила меня на волю, навстречу искристому звездному небу и свежему морозному воздуху. Я вдохнул всей грудью ледяной запах свободы и с характерным снежным хрустом засеменил к воротам СВХ.

Строение склада по протяженности слегка уступало архиву, но по своему объему, высоте потолков и просторности помещений на порядок превосходило наши мрачные казематы. Освещению СВХ мог бы позавидовать какой-нибудь небольшой стадион. Мне с непривычки резануло глаза. Вокруг наблюдалась если не стерильная, то, по крайней мере, образцово-показательная чистота. На стенах красовались защитные заклинания, рунические знаки и амулеты, стилизованные под решетку. Перед бронированным шлюзом входа в основное хранилище, обрамленным всевозможной эзотерической символикой, застыли два друида в знакомой черной форме. Один из них при виде меня вначале настороженно приподнял свой боевой посох, затем узнал и приветливо улыбнулся. Я улыбнулся в ответ и приложил магнитный пропуск к розовому кружку считывателя. Шлюз противно запищал и неохотно пропустил меня внутрь.

Склад временного хранения Пецпоста — это отдельная песня. Я бы даже сказал — ода, хотя временами и мюзикл, и реквием в одном лице. Всё помещение разбито на сектора в зависимости от условий и специфики хранения грузов.

Первое, что мы видим, попадая в сокровищницу сакральных ценностей, — это «бестиарий» — что-то наподобие маленького зоопарка для мифологических животных. Несколько рядов клеток разных размеров, сделанных из мифрила — металла, который не подвержен магическому воздействию. «Тебя там встретит огнегривый лев, и синий вол, исполненный очей…» — именно эти строки приходят на ум, когда ты попадаешь сюда. По легенде, в 1973 году перед эмиграцией в Израиль, посетив Пецпост, поэт Анри Волхонский и написал знаменитый «Город золотой», который спустя одиннадцать лет на концерте в Харьковском государственном университете популяризировал Борис Гребенщиков.

В данный момент единственными обитателями бестиария были два в высшей степени занимательных существа, размещённые в диаметрально противоположных вольерах. В правой клетке нашел себе приют карликовый зеленый дракон, в левой — средних размеров василиск.

Мода на карликовых драконов пошла с начала XIX века, когда тайное международное соглашение 1814 года «О сокращении тварей огнедышащих» вступило в силу. Драконы (настоящие, не карликовые) были могущественными существами, которые безгранично властвовали на Земле десятки тысяч лет назад. Вероятнее всего, их настоящей родиной была Венера — некогда плодородная планета, превращенная солнечным протуберанцем в огненную пустыню. Так или иначе, часть из них смогла спастись, перебравшись к нам. В то время драконы обладали нечеловеческим интеллектом, поэтому наши предки, или те, кто жил до них, были порабощены. Рабство людей и гегемония крылатых рептилий длились довольно долго, но, как известно, историю не обманешь. Некогда великие узурпаторы стали деградировать. Безграничная власть — ступор, который ведет к застою. Всякий застой — это тепловая смерть и духовная кома.

Безнаказанность и ожирение отупили этих тварей настолько, что люди стали их вырезать, как безвольных коров. Оторванность от погибшей метрополии плюс непривычные физические условия довершили дело. Всего через три тысячи лет огнедышащие властители превратились в домашних животных, которых стали использовать в качестве дорогих игрушек. С другой стороны, драконы оказались прекрасным оружием сдерживания. Любой мало-мальски уважающий себя правитель считал необходимым иметь одну-две летающих крепости, коими они и являлись. В реальности драконов почти не использовали, как в наше время ядерное оружие, но иногда случались неприятные казусы.

Так, в ночь с 18 на 19 июля 64 года из императорского хранилища в Риме вырвался довольно большой и древний черный дракон. За четыре часа он сжег большую часть города. Единственный, кто мог его усмирить, владелец именного амулета, переходящего от отца к

сыну, император Нерон — отдыхал в Анцио, любимом приморском городке, где он родился. Узнав о трагедии, Нерон немедленно вернулся обратно и дракона укротил, а затем под давлением сената вынужден был его уничтожить. Несмотря на то, что всё проходило в атмосфере строжайшей секретности, позиции Рима на международной арене значительно пошатнулись.

С тех пор системы контроля за драконами удесятерились. За шестнадцать веков не происходило ничего подобного, но исключения только подтверждают правила. В 1665 году в Лондоне вспыхнула чума. Она унесла 20 % населения большого города, то есть около ста тысяч человек. Напуганный масштабом трагедии король Англии и Шотландии Карл II для защиты Уайтхольского дворца приказал выпустить красного дракона, заточенного в подземельях Тауэра. Во время переправки в Вестминистер тот вырвался из клетки и четыре дня терроризировал столицу Великобритании. При пожаре сгорело более тринадцати тысяч домов. Прежде чем дракона всё-таки пристрелили, фактически весь город был уничтожен. Несмотря на то, что таким своеобразным способом Великая чума была истреблена, популярность Карла резко упала.

Последней каплей стал пожар Москвы 1812 года. Когда войска Наполеона подошли к стенам Кремля, а Кутузов совершил знаменитый тарутинский маневр, «загадочный сфинкс», как его за глаза называли при дворе, всероссийский император Александр I повелел выпустить в опустошенный город белого дракона, который долгое время был спрятан в соляных подвалах Китай-города. Жутковатый «сюрприз» застал французские войска врасплох. Гибель летающего монстра стоила жизни тысячам солдат. Но самое ужасное — это разрушения, нанесённые драконом городу. Москва была испепелена и уничтожена. После чего Александр, как бывший протектор Мальтийского ордена (а бывших Великих магистров, как известно, не бывает), во время подписания Парижского мирного договора 1814 года, который прекратил победоносное шествие Бонапарта по Европе, организовал тайную конференцию. Для ратификации международного соглашения «О сокращении тварей огнедышащих» в Париж съехались представители всех ведущих держав, или же их уполномоченные представители. На этом фоне даже шестая антифранцузская коалиция выглядела несколько бледно.

После бурных прений было принято решение отказаться от использования и хранения крупноразмерных драконов как существ, представляющих угрозу человеческой популяции. Скрепя сердце, монархи поставили свои подписи под спорным документом. А уже полгода спустя император государства Цин (которое на тот момент времени было гораздо больше современного Китая) с жутковатым для нашего восприятия именем Айсиньгёро Юнъянь предложил новый вариант для любителей чешуйчатокрылых. Как оказалось, еще сотню лет назад придворные мудрецы последней китайской династии предсказали падение спроса на Великих драконов. Лучшие зоологи и маги десятилетиями экспериментировали с разными видами. В итоге их ждала победа — первый карликовый дракон вылупился как раз накануне наполеоновских войн. Прожил он недолго, но сам факт существования подобного существа стал зоологической революцией.

В наше время карликовых драконов могли себе позволить исключительно обеспеченные и респектабельные люди, поскольку стоимость самого простенького экземпляра исчислялась десятками миллионов евро. Эти практически безопасные существа, редко когда превышающие размером пуделя или болонку, стали таким же символом богатства и успеха, как платиновые швейцарские часы или автомобили марки «Мазерати».

Ходили слухи, что тот зеленый дракончик, которого я имел удовольствие лицезреть в данный момент, привезен в подарок самому ВВП.

Что касается второго существа — здесь всё прозаичней. Василисков никто никогда не запрещал, несмотря на то, что тварюги они были злобные и крайне неприятные. Представьте себе жуткую помесь птицы и рептилии. Длинные петушиные лапы, увенчанные острыми когтями, растут прямо из туловища ящерицы. Сзади извивается скользкий чешуйчатый хвост. На

спине хищно вздымаются перепончатые крылья. Птичья голова с костяным наростом, напоминающим уродливую корону (откуда и название — «василиск», в переводе с древнегреческого — «царёк»), периодически раскрывает изогнутый клюв, заполненный двумя рядами мелких зубов, больше напоминающих иглы. И немигающий взгляд змеиных глаз. Мерзость, одним словом.

В древние времена василиски представляли реальную угрозу, так как, во-первых, обладали ядовитой слюной, а во-вторых, могли гипнотизировать свою жертву, надолго лишая её возможности двигаться. Современных же «птицезмей» ставят на специальный государственный учёт. Им купируют ядовитые железы, а самих василисков окольцовывают, как перелетных птиц. На мифриловых кольцах содержится специальное заклятие, не позволяющее василискам использовать свои способности. Максимум, что они после этого могут, — парализовать небольшое животное, и то секунд на десять.

Наш узник использовал эту возможность на полную катушку. Невзирая на то, что с драгончиком они находились в противоположных вольерах, василиск ужасно нервничал, бегал по клетке и всем своим видом выражал неприкрытую агрессию. Дракон отвечал взаимностью. Он то и дело взмывал в воздух, насколько это позволяли размеры решетки, разевал зубастую пасть и дурным голосом орал на соперника. Но самое интересное происходило дальше.

Василиск в какой-то момент застывал и впивался в драгончика своим змеиным взглядом. Тот (по размеру как раз подходивший под описание «небольшого животного») каменел и подбитым бомбардировщиком падал вниз. Однако уже через несколько секунд приходил в себя, забавно тряс головой и выпускал в сторону «гипнотизёра» метровую струю огня, которая, учитывая приличное расстояние между дуэлянтами, никому никакого вреда не причиняла. Василиск, впрочем, всё равно жутко пугался, прятал голову под крыло и, озабоченно кудахтая, забивался в дальний угол клетки. Спустя пару минут бессмысленная и беспощадная битва повторялась.

Наблюдать за этим можно было бесконечно. Однако я спешил и не без сожаления проследовал в следующую комнату.

Здесь простиралось царство склянок, пузырьков, бутылок и бутылей, а также всевозможных бочек, кег и баллонов. Вся эта феерия жидкостных вместилищ кратко называлась «зельехранилищем». Иными словами, всё, что булькало и при этом обладало магической силой, после пересечения границы Российской Федерации попадало сюда. Исключение составлял, пожалуй, алкоголь. Он тоже, вне всякого сомнения, обладал некой потусторонней энергетикой, но оформлялся на других постах.

Чего здесь только не было. Приворотные и отворотные зелья — естественно, сертифицированные отделом морали и легитимности явлений Таможенного управления паранормально-инфернального контроля (сокращенно ОМЛЯ ТУПИК), панацеи от всех болезней (как правило, с двухстраничным списком противопоказаний), зелья, ускоряющие или придающие силу, равно как и их антиподы, отвары «для понимания речи иноземной и других животных», настои «для дыхания под водой и в прочих безвоздушных пространствах» и еще многие сотни наименований на всех языках мира, о назначении которых я мог только догадываться.

И, конечно же, я совру, если скажу, что мы ничего из этого не пробовали. Одна из самых забавных и показательных историй, иллюстрирующих это утверждение, произошла 25 октября, как раз в день российского таможенника.

Праздник этот свят для каждого инспектора, поэтому ближе к шести часам вечера найти на посту кого-нибудь более-менее трезвого не представляется возможным. Праздничная поляна была накрыта в общей столовой. С одной стороны сидели мы, с другой декларанты. Столы ломились от бутылок, закусок и горячих блюд. Атмосфера была дружеской и радужной. Ничто не предвещало беды.

Всё началось с шахмат. Вернее, с двух азартных и уже основательно подвыпивших инспекторов, а именно — Кузи и Львовича, которые вздумали сразиться за звание гроссмейстера Пецпоста. С благословения непривычно добродушного Усьева они направились в его кабинет в сопровождении небольшой группы адептов древнеиндийского развлечения. Играть на «просто так», да еще и по пьяни, показалось неспортивно. На деньги — пошло. Решили играть на желание. А какие желания возникают у еще относительно молодых неженатых людей в состоянии алкогольного опьянения? Правильно.

Так вот, работала у нас в декларантском отделе одна весьма эффектная дама — Наташа Винтикова. Весь мужской коллектив поста, начиная с Усьева и заканчивая Гаврилой, был от неё без ума. Конечно, не каждый мог в этом признаться, но то, что мужики по ней сохли — это факт. При всём при этом Натали была неприступна. Ну ладно, был бы у неё бойфренд, так то еще полбеды — повздыхали бы, покручинились, да отошли со временем. Ан нет — свободна она была, как ветер в поле. И порешили наши горе-шахматисты, что тот, кто проиграет, должен узнать, какого цвета, пардон, нижнее бельё новоявленной Эсмеральды.

В этот раз фортуна отвернулась от Львовича. Он вздохнул, глядя на одинокую фигурку своего поверженного короля, и умоляющим взором обвел присутствующих при эпохальном турнире. Но вместо жалости в глазах жестокосердных коллег читалось лишь злорадство, смешанное с нездоровым интересом. Эти самые коллеги решили, что для выполнения условий пари проигравший будет вынужден забраться под праздничный стол и уже там собирать разведданные. Однако Львовича они недооценили.

Как раз вчера он проводил досмотр груза, прибывшего в адрес фирмы «Invisible World», которой принадлежала сеть одноименных ресторанов. Главной фишкой этих дорогих и пафосных заведений были невидимые блюда. Посетителю приносили пустые тарелки, от которых исходили чудесные ароматы. Вначале он ничего не понимал, но затем начинал пробовать, как могло показаться со стороны, воздух, хотя по вкусовым и тактильным ощущениям это оказывались самые что ни на есть настоящие деликатесы.

Владельцы ресторана хранили рецепт приготовления данных блюд в строжайшем секрете. Но для любого сотрудника Пецпоста это был секрет Полишинеля. Главным ингредиентом эксклюзива от «Invisible World» являлся «эликсир невидимости», с завидным постоянством проходивший у нас таможенное оформление.

Пьяный, но храбрый Львович пробрался в «зельехранилище», нашел хорошо знакомый флакон и смело сделал пару глотков. Надо отметить, что действие эликсира наступало не сразу, поэтому сценка «таможенник без головы» не покоробила психику друидов, охранявших СВХ. Львович спокойно дошёл до своего кабинета, присел напротив зеркала и стал ждать. Минут через десять его тело ожидаемо растворилось в воздухе, оставив после себя лишь китель с форменными брюками. Недолго думая, наш герой стянул с себя всю одежду и превратился в настоящего человека-невидимку.

План Львовича был прост, как всё, что приходит в голову под воздействием паров этанола: дождаться, когда Наташа захочет попудрить носик, незаметно проскользнуть в туалет и спокойно рассмотреть её бельё. Этическая сторона вопроса в данный момент волновала его меньше всего.

Невидимый гроссмейстер прождал в засаде около часа и основательно продрог. Хмель стал потихоньку выветриваться из головы, и идея уже не казалась такой гениальной. В этот самый момент Винтикова вышла в коридор. Львович облегченно вздохнул, пулей влетел в ватерклозет и затаился у сливного бачка. Не буду описывать подробностей, скажу лишь, что план его удался. Более того, как истинный офицер после цветовой идентификации белья Львович героически отвернулся, так что честь дамы задета не была. Ну, или почти не была. И всё бы закончилось хэппи-эндом, если бы не одно «но».

Наш горе-невидимка забыл о том, что кармическая чистка, генерируемая «ИЛ-2», снимает не только проклятия и эффекты отрицательных заклинаний, но и любое магическое воздействие вообще. Стоило Наташе спустить воду, как обнаженный инспектор проявился прямо перед ней…

Что тут началось! Сказать, что это был скандал — не сказать ничего. Львовича хотели уволить, отдать под суд, под трибунал и просто набить морду. И вполне возможно, что всё вышеперечисленное воплотилось бы в жизнь, если бы не Архитипов. Являясь непосредственным свидетелем спора и чувствуя частичную вину за досадное недоразумение, он заступился за бедолагу, произнеся пламенную речь. Заканчивалась она словами:

— …безусловно виноват, я бы даже сказал, что Львович искренне раскаивается в содеянном, но в данном случае он поступил как настоящий мужик. Ибо понятие долга для мужика священно! Не похоть и излишества нехорошие толкнули его на этот поступок, но стремление сохранить свою честь перед лицом сотоварищей!

Мужская часть линчевателей неуверенно зааплодировала, и судьба горемыки была решена. Для острастки его все же лишили квартальной премии, но в общем и целом конфликт был исчерпан. А Наташа Винтикова на следующий день подала заявление об уходе, посчитав наш коллектив недостойным её звёздной персоны. Ну, может, оно и к лучшему — жить стало спокойнее.

Пройдя через бескрайные ряды склянок, я наконец-то попал в главное помещение СВХ — основное хранилище. Здесь, на первый взгляд, ничего паранормального не наблюдалось. Обычный склад — трехуровневые стеллажи, на которых уютно разместились коробки, ящики, мешки и пакеты. В дальнем углу стояли Архитипов, Хитроопенко и начальник СВХ Дим Димыч. Полностью его ФИО звучало не иначе как — Дмитрий Дмитриевич Дмитриев (респект богатому воображению родителей), но все предпочитали краткий вариант — «Дим Димыч», или же просто — «3D».

Начальственная троица увлеченно наблюдала за тем, как стоящий на любимой ржавой стремянке Гавриил Мохаммедович Шестой, в девичестве — Чебурашка, заделывает пробоину в прохудившейся водопроводной трубе. При этом из уст Гаврилы лилась какая-то чудесная абракадабра. Судя по интонации, можно было предположить, что это берберский мат. Подтверждало сей факт и то, что Архитипов, единственный, кто немного владел этим редким языком, периодически краснел.

— Они у вас что — идиоты? — Риторический вопрос Хитроопенко сотряс бетонные своды. — Вешать водопроводные трубы под потолком!

— Так это… — Дим Димыч почесал затылок. — Там же, пардоньте, сортир наверху.

— А с грузом что? — Агностий Переславлевич кивнул на размокшую картонную коробку, уныло свисающую с третьего уровня стеллажа.

— Так это… Цел груз. Почти…

— Что значит «почти»? — обернулся к нему Архитипов.

— Значит, что все колбочки вытащили и переложили в другую коробку. Из тридцати только одна разбилась. — Дим Димыч виновато покосился на чуть заметные в бурлящем потоке осколки.

— А что было в колбочках? — недобро спросил Хитроопенко.

— Так это… — в очередной раз промямлил начальник СВХ. — Хрень какая-то…

— Это у тебя в голове «хрень какая-то»! — не выдержав, прокричал Агностий Переславлевич. — Документы на груз где?!

Дим Димыч скорбно протянул несколько листочков формата А4.

— Код ПТН ВЭД — 0511999999, — изучив товарно-транспортную накладную, задумчиво пробурчал Хитроопенко, — это у нас…

— «Личинки мифологических существ, прочие», — процитировал начитанный Архитипов. Он достал большой носовой платок в красный горошек, раскатисто высморкался и внезапно спросил:

— А почему — «прочие»? Не «виверн», не «гидр», не «гиртаблилий», в конце концов, а именно «прочие»?

Его вопрос остался без ответа.

— Так, — мгновенно сориентировался Хитроопенко, — зови-ка сюда декларанта, или кто там этих личинок оформляет?

3D бросился к висящему на стене телефону и судорожно набрал четыре цифры.

— Алло! Это Дим Димыч. А кто у тебя «Институт археологии» оформляет? Федруччо? Так это… Пришли его на СВХ. Ага. Жду.

Он положил трубку и, преданно заглядывая в глаза руководству, отрапортовал:

— Через пять минут будет!

— Вольно, — сказал Хитроопенко и вновь обратил свой взор в сторону протечки.

Гаврила почти закончил — вместо фонтана из пробитой трубы текла тонкая струйка воды. Видя, что всё пришло в норму, я уже собрался уходить, не привлекая к себе лишнего внимания, как двери «зельехранилища» открылись и из них выпорхнул двухметровый красавец-брюнет Федруччо. На самом деле декларанта итальянского происхождения звали «Ферруччо», но в российском паспорте он был поименован не иначе как «Федор». В результате симбиоза двух имен и родилось забавное прозвище.

— Бонджорно! — Несмотря на свой великолепный русский, Федруччо частенько вставлял итальянские словечки.

— И тебе не хворать, — мрачно ответил Хитроопенко. — Объясни-ка нам, Джельсомино ты наш стоеросовый, какого Берлускони здесь забит этот код?

Он ткнул в нос Федруччо накладной. Декларант аккуратно отодвинул помятый листок от своего лица, прищурил глаза, изучая его содержимое, и радостно ответил:

— Элементаре! Это груз «Института археологии». Они привезли его с раскопок в Алжире. Я говорил с начальником их экспедиции, по-моему, Артёмов фамилия — веселый разговорчивый мужик. Так вот, копали они какой-то город древней протоцивилизации и на приличной глубине наткнулись на склеп, в котором была кладка этих самых личинок. Он еще сказал, что по самым скромным подсчетам ей не менее тридцати тысяч лет. Что это — на месте определить не удалось. Вот он и направил их в Москву, чтобы палеозоологи провели экспертизу.

— А почему именно через наш пост? — не сдавался Хитроопенко. — С чего он взял, что это наша номенклатура?

— Кажется, я знаю, — сказал Архитипов голосом, от которого у меня по спине побежали мурашки.

Вдруг сзади раздался грохот — это Гаврила упал со стремянки. Все бросились его поднимать, однако бородач отмахнулся от помощи и, кряхтя, самостоятельно встал на ноги.

— Эдуда кэв'ира, — непонятно сказал он.

— Великий червь, — кивнул Ингвар Поликарпович.

— Нет-нет-нет! — Хитроопенко замотал головой. — Они все были уничтожены…

— Приблизительно тридцать тысяч лет назад. — Архитипов потёр переносицу. — Как раз в районе Сахары, я бы даже сказал, на территории современного Алжира.

— Мерда! — У Федруччо подкосились колени, и он облокотился на стеллаж. — Мамой мией клянусь, я ничего не знал.

Тут я не выдержал и вышел вперед:

— Добрый вечер. А что такое Великий червь?

Хитроопенко повернулся ко мне и по-одесски ответил вопросом на вопрос:

— Кирюшка? А ты чего здесь делаешь?

— Так я это… — Похоже, что лингвистический дефект Дим Димыча был заразен. — Архив затопило. Меня послали посмотреть.

— Что значит «архив затопило»? — Хитроопенко гневно посмотрел на начальника СВХ.

3D нервно потеребил полы своего пиджака:

— Там подвал… Как бы… Когда решили сгрузить туда весь архив, оказалось, что нужна вентиляция. А как соорудить вентиляцию в уже построенном здании? Вот и сделали отверстия с выходом на склад.

— То есть ты хочешь сказать, — начал закипать Хитроопенко, — что сейчас внизу в нашем архиве лежит личинка Великого червя?

— Но ей же тридцать тысяч лет, — задрожал Дим Димыч.

— Согласно «Справочнику гигантских чудовищ», утвержденному приказом ГТК РФ № 667-дсп, личинки Великого червя могут миллионы лет дрейфовать в открытом космосе, прежде чем найдут новое пастбище. — Энциклопедизм Архитипова поражал своими масштабами.

Слово «пастбище» меня слегка покоробило, и по спине опять пробежала холодная дрожь.

— Вы уж простите, люди добрые, но не соблаговолите ли всё-таки объяснить идиоту, что такое Великий червь?

Архитипов одарил меня материнским взглядом и, вздохнув, начал лекцию:

— Десятки тысяч лет назад на нашей матушке Земле существовала другая цивилизация. Сейчас мы не можем с уверенностью сказать, были ли это люди или какие-нибудь другие разумные существа, но, исходя из сохранившихся источников, можно смело утверждать, что были они гуманоидами.

— Короче, Склифосовский, — вставил Хитроопенко.

— На территории современной Сахары располагался один из самых красивых и величественных городов этой цивилизации. В те времена на севере Африки не было пустынь. Субтропики, я бы даже сказал, райский климат — пальмы, платаны, магнолии и прочие бананы с финиками. Если верить «Генеалогии» Гекатея Милетского…

— Но ведь полного текста не сохранилось! — вырвалось у меня.

— У кого надо, — снисходительно ответил Архитипов, — сохранилось всё. Итак, если верить его «Генеалогии», то дома в этом городе были сделаны из алмазного стекла и формой своей напоминали пирамиды, кругом били фонтаны, а жители были прекрасны и счастливы. Но в один ужасный день из ниоткуда появился Великий червь. «Дюну» смотрел?

— Смотрел.

— Помнишь огромных песчаных червей?

— Помню.

— Похожая тварь появилась и там. Вначале она пожирала мелкий скот и домашних животных, но потом принялась за людей. Чем больше Великий червь ел, тем больше становился в размерах. Но самое страшное то, что он оказался гермафродитом и стал методично оставлять потомство. Не прошло и года, как десятки ужасных созданий увидели свет. Жители города пытались с ними бороться, но все их совершенные технологии оказались бесполезными перед несокрушимой бронированной кожей червей. И тогда старейшины приняли непростое решение. Все, кто выжил, покинули континент, а в сердце мегаполиса было применено оружие массового поражения, которое по мощности в десятки раз превышало современные ядерные заряды. Великие черви были уничтожены, а на месте цветущего сада появилась пустыня Сахара.

Я нервно сглотнул.

— А что нужно для того чтобы личинка превратилась в червя?

— Не так уж и много. Темное, холодное, влажное место…

— Архив… — прошептал Дим Димыч.

— И чуть-чуть протеина.

— Тараканы, например, — задумчиво сказал Хитроопенко и тут же сам себя перебил: — Но позвольте! Для того, чтобы вырасти до размеров, которые будут представлять реальную угрозу, ему придется целый год охотиться на тараканов. Человек для него сейчас великоват, а насекомые слишком малы — так что бояться нечего.

— Крысы, — замогильным голосом сказал я, и все повернулись в мою сторону. — Я видел там парочку…

— Хьюстон, у нас проблемы! — Архитипов взлохматил свои смоляные кудри. — Там же сейчас весь личный состав! Срочно объявить эвакуацию!

— Есть! — Хитроопенко необычайно резво для своего телосложения бросился к выходу. Я побежал за ним.

— Главное — не поднимать панику, — бросил на ходу он.

Мы за считанные минуты добежали до входа в архив. Агностий Переславлевич откашлялся и решительно открыл бронированную дверь. На пороге нас встретили Гаэлина Семеновна и мокрый Каменев. Ветеран был топлесс, а заведующая архивом заботливо укутывала его пуховым платком.

— Господа! — преувеличенно бодро начал Хитроопенко. — Декларация нашлась. Всем спасибо, все свободны!

— Где нашлась? — недоверчиво спросила Гаэлина Семёновна.

— Там… — начальник отдела неопределенно мотнул головой. — И я бы настоятельно рекомендовал всем покинуть помещение.

Минут через десять народ потянулся к выходу — хорошие новости всегда распространялись быстро. Замыкающим шел Каменев, в своем новом одеянии похожий на бородатого домового.

— Андрон Зиновьевич, а вас бы я попросил заглянуть на склад.

— Да не вопрос. Переоденусь — загляну.

— Я думаю, — прошептал мне на ухо Хитроопенко, — его опыт нам пригодится.

Убедившись, что личный состав в безопасности, мы вернулись на СВХ. Федруччо нервно расхаживал из стороны в сторону, за ним, подперев кулаками щеки, мрачно наблюдал Дим Димыч, и лишь Архитипов, являя собой пример непобедимого оптимизма, увлеченно изучал толстый фолиант «Справочника гигантских чудовищ».

— Да прекрати ты уже метаться! У меня от тебя голова кругом идет, — раздраженно воскликнул 3D.

— Кацца рола! — не обращая на него внимания, простонал Федруччо. — Меня посадят!

— Это вряд ли, — не отрываясь от чтения, рассудительно проговорил Ингвар Поликарпович. — Если червь отсюда не выберется — сажать тебя будет не за что, а если выберется — то некому.

— Позитивный прогноз, — подал голос Хитроопенко. — Что делать-то будем, православные?

— Ну, исходя из того, что я сейчас прочитал, лучшим вариантом было бы молиться, — улыбнулся Архитипов. — А если серьезно, то Великий червь или, как нам тут правильно подсказали товарищи из Африки, «Эдуда кэв'ира», является кремнийорганической формой жизни. Другими словами, твердость его чешуи приблизительно равна твердости кварца. А это — семёрка по шкале Мооса. А что у нас твёрже семёрки?

— Топаз, корунд, алмаз… — Хитроопенко почесал затылок. — Нда… Не густо.

— Алмазные пули у нас имеются? — спросил Ингвар Поликарпович.

— Да откуда? — в свойственной манере ответил начальник отдела.

— Значит, вариант чисто физического уничтожения отпадает. Остаётся магия. Сколько у нас на балансе мечей-кладенцов?

— Три… по документам, а фактически один. — Хитроопенко опустил глаза.

— Как один?!

— Так… Один на поверке, один в ремонте…

— Ну, я думаю, что одного будет вполне достаточно.

— А он не пашет ни шиша. — На склад зашел Каменев, переодетый в гражданское.

— Что значит «не пашет»? — Архитипов замотал головой.

— То и значит — работает через раз, то режет бетон, как масло, а то лист бумаги разрубить не может.

— Да как вы допустили!!! — Ингвар Поликарпович аж привстал. — Это же средство индивидуальной защиты! Самое святое после личной номерной печати

и пломбиратора, что может быть у инспектора!

— А ты нас тут не пугайте, — проворчал Хитроопенко, — сами виноват. Я сколько раз предупреждал, сколько служебок в информационно-техническую службу писал? И всё зря. Ответ один. Из бухгалтерии — «в бюджет более одного ремонта в год не заложено».

— Твою дивизию в качель… — Архитипов обхватил голову руками и закрыл глаза. — И что теперь делать?

— Ну… есть еще МВД, — сказал Каменев.

Здесь стоит внести ясность. Упомянутая выше МВД к Министерству внутренних дел не имеет никакого отношения. В данном случае речь идет о «материализованной временной дыре». Выглядит она как небольшой стеклянный шарик, который в случае разрушения освобождает мощный поток пространственно-временного континуума и открывает портал… как бы поточнее выразиться… хрен знает куда. Единственное, в чём можно быть уверенным, — это то, что попавшего в этот портал вы больше никогда не увидите. В какую точку пространства и времени его забросит — не решится сказать никто. Первоначально МВД задумывалась как средство аварийной эвакуации, но что-то там не доработали, как-то не так посчитали, и получилось в итоге довольно экстравагантное средство уничтожения. Единственный минус этого изобретения заключался в том, что каждый шарик находился на особом контроле, и его активация требовала личного письменного разрешения начальника Управления, после чего он был обязан отчитаться по факту применения на самый верх.

Архитипов устало вздохнул:

— Ты еще атомную бомбу предложи, болезный.

— А что такого-то? — возмутился Андрон. — Они уже десять лет лежат у нас без дела…

— Что такого? — переспросил Ингвар Поликарпович. — А то, что тогда мы должны будем предоставить полный доклад в ТУПИК, и вот после этого нас реально посадят. Причем всех.

Федруччо издал протяжный жалобный стон.

— За что посадят-то? — удивился Каменев. — Что здесь вообще происходит?

Спустя полчаса мы стояли перед старинным несгораемым шкафом, на котором медными выпуклыми буквами красовалась потертая надпись — «АРСЕНАЛЪ». Андрон Зиновьевич нервно хихикал и вот уже раз в десятый повторял фразу:

— Нет, я всегда считал археологов людьми со странностями, но чтоб до такой степени…

— Итак, господа, — перебил его Архитипов, после чего достал не менее старинный ключ с вензелями и провернул в замочной скважине, — я считаю, что мы нашли наиболее мудрое решение.

Лично я так не считал, но моего мнения почему-то никто не спрашивал.

Ингвар Поликарпович вытащил из сейфа довольно простой на вид меч длиной в два локтя, сдул с него толстый слой пыли и передал Каменеву. Андрон Зиновьевич брезгливо принял артефакт и раскатисто чихнул.

— В журнале расписаться не забудь, — напомнил Хитроопенко.

Ветеран отложил меч-кладенец в сторону, притянул к себе объемную тетрадь, обшитую синим дерматином, на которой была криво наклеена этикетка «Журнал учета и выдачи магических средств личной защиты», и поставил залихватскую подпись.

— Ну вот и славно. — Начальник отдела благодушно улыбнулся, ибо не терпел процессуальных нарушений.

— Давайте повторим всё еще раз, — предложил Архитипов.

— А что тут повторять? — Каменев играючи крутанул мечом восьмерку. — Я, как самый опытный по владению холодным оружием, иду вниз. Кирюшка, не считая нашей престарелой феи, лучше всех знает этот лабиринт. Соответственно — идёт со мной. Меч, конечно, работает через раз, так что шансы у нас пятьдесят на пятьдесят, что, в общем-то, неплохо.

— А можно я уволюсь? — жалобно попросил я.

— Нет! — ответили они хором.

— Не ссы, Давыдов, прорвёмся! — Когда на Каменева нападал приступ героической эйфории, я даже не был уверен, кого надо бояться больше — чудовищ или трехсотлетнего ветерана.

К архиву я шёл, как на смертную казнь, что, в общем-то, было недалеко от истины. Хитроопенко нас троекратно облобызал и назвал «спасителями Отечества», Архитипов пожал руки и пообещал, если что пойдёт не так, сообщить близким. После этой сцены мне ужасно захотелось потерять сознание или провалиться сквозь землю… Хотя нет, сквозь землю проваливаться мне как раз хотелось меньше всего.

Так или иначе, дверь за нами захлопнулась, и мы услышали предательский звук вентиля, который закрывал замок.

— Не трухай, земеля! — Андрон достал из кармана дублёнки ополовиненный флакон «Hennessy». — Глянь, чё у нас есть.

Я выхватил бутылку из его рук и сделал внушительный глоток.

— Полегчало? — озабоченно поинтересовался он.

— Вроде того. — По моей спине прошла тёплая волна и приятным огнём растеклась по желудку.

— Тогда вперед! — Каменев похлопал меня по плечу и задорно улыбнулся. — Предлагаю начать с зоны протечки.

Мы, настороженно прислушиваясь, двинулись в сторону недавнего фуршета. Минут через пять навстречу, отчаянно пища, выбежали три крысы. Не обратив на нас ни малейшего внимания, они скрылись за нашими спинами.

— Дурной знак, — сглотнул Андрон Зиновьевич, перехватил меч-кладенец поудобнее и выставил его перед собой. — Признаться честно, до этого момента я не верил, что червь успел вырасти.

Еще сотня пройденных метров стоила мне нескольких седых волос. Внезапно в ответвлении справа раздался грохот.

— Стеллаж упал, — сказал я со знанием дела.

— А он мог сам упасть? — с тусклой надеждой в голосе спросил мой напарник. Я покачал головой.

— Ну-ка, дай-ка. — Каменев взял коньяк и пару раз отхлебнул. — Я пойду первым, ты за мной не ближе трех метров. Если что — беги без оглядки. Ясно?

Понимая, что мы заперты и при живом черве дверь никто не откроет, я, тем не менее, кивнул. Андрон храбро шагнул в мерцающий полумрак — как назло, именно в этой части

архива тужились от непосильной нагрузки самые низкокачественные лампы. Я осторожно пошёл за ним следом. Впереди что-то взвизгнуло, но звук этот не принадлежал ни одному из существ, живущих на Земле. По крайней мере, мне так показалось. Каменев остановился и слегка отступил в сторону, открывая мне обзор. И тут я увидел легендарного Эдуда кэв'ира.

Конечно, это был еще детеныш, впрочем, размером и комплекцией он мало чем уступал взрослому борову, разве что был длиннее на несколько метров. Этакая гипертрофированная гусеница с блестящей чешуёй. Его несколько ртов, как бы вложенных друг в друга, конвульсивно сжимались и разжимались, обнажая многочисленные ряды острых зубов. Он выглядывал из-за упавшего стеллажа, и уж не знаю, чем, но складывалось ощущение, что внимательно нас изучал.

— Хороший мальчик, — сладкозвучно проворковал Андрон, незаметно замахиваясь мечом-кладенцом. — Иди к папочке.

После некоторых раздумий Великий червь переполз через поверженный шкаф и оказался рядом с Каменевым. Тот не раздумывая ударил и… меч, отпружинив от неприступной брони, чуть не лишил его равновесия.

— Ах ты, шаврик пустошный! — выругался Андрон Зиновьевич по-древнерусски, впрочем, непонятно, к кому обращаясь.

Словно в ответ Великий червь приподнялся над бетонным полом, одновременно распахнул все свои пасти, будто распустился диковинный цветок, и ударил такой звуковой волной, наполненной жуткими скрипами и завываниями, что меня слегка отнесло на пару метров назад. Я еле удержался на ногах. Каменев обернулся и, хотя мои уши были заложены, по губам ясно прочиталось: «Тикай!»

И мы побежали. Червь явно неспроста назывался Великим, поскольку легко поспевал за двуногими, которые, по идее, в скорости должны были значительно превосходить беспозвоночных. Андрон первым оказался у выхода и стал с остервенением колошматить бесполезной железкой по бронированной двери. Я стоял и пытался вспомнить хотя бы одну молитву. Визг приближался. От ультразвука начали лопаться лампы. Архив стал погружаться во тьму.

Внезапно полыхнул яркий луч света. От двери потянуло морозным холодком.

— Сработал, сукин сын, — послышался дрожащий голос Каменева. — Ну, хоть так. Давыдов! За мной!

Ни один приказ в жизни я не исполнял с таким удовольствием. Оказалось, что Андрон Зиновьевич ухитрился срубить мечом-кладенцом петли входной двери, и та теперь безвольно лежала на ступеньках лестницы, ведущей на поверхность.

Мы резво выбежали наружу.

— Куда дальше? — задыхаясь, спросил я.

— А… гори оно всё синим пламенем! — крикнул Каменев. — Айда к арсеналу!

Уже подбежав к входу на пост, я обернулся — Великий червь выполз из подземелья и плотоядно водил своей жутковатой мордой из стороны в сторону. Я сплюнул в ни в чем не повинный снег и забежал в здание. Рядом с кабинетом, где стоял сейф арсенала, сидели Архитипов с Хитроопенко. Архитипов хмуро курил, Хитроопенко, уронив голову на руки, просто тяжело вздыхал.

— Ребятушки! — Увидев нас, он попытался изобразить слезы радости, но получилось плохо. — Да неужто живыми выбрались?

— Твоими молитвами, — зло бросил Каменев и решительным шагом подошёл к Архитипову. — Ключ давай!

— Какой ключ? — От неожиданности Ингвар Поликарпович уронил бычок.

— Тот самый. — Андрон угрожающе приподнял меч. — От арсенала.

— Андрюша, — заворковал заместитель начальника, — ты не понимаешь. Мы не имеем права…

В этот момент внизу что-то загрохотало.

— Зато он понимает. — Каменев ткнул кладенцом в направлении лестницы. — Через пять минут Эдуда кэв'ира будет здесь, и тюрьма покажется тебе землёй обетованной.

Архитипов затравленно посмотрел на меня, затем на Андрона и требовательно протянул руку. Каменев достал из дубленки почти пустую бутылку и вложил в ладонь руководителя. Ингвар Поликарпович допил последние пятьдесят граммов коньяка и решительно встал:

— Пройдёмте, господа!

У распахнутого арсенала он выдал каждому из нас по маленькому черному шарику размером с перепелиное яйцо.

— Червь может устремиться за каждым из нас. Запомните, что применять МВД можно лишь в крайнем случае, только когда вы будете уверены, что тварь попадет в ловушку. Для активации, если кто не в курсе, — Архитипов обернулся ко мне, — нужно просто бросить МВД на пол с силой, достаточной для того, чтобы она разбилась. И главное — ни при каких обстоятельствах не заходите в портал!

— Она-то хоть работает? — с опаской спросил я, разглядывая миниатюрную стеклянную сферу.

— Запомни, сынок. — Хитроопенко взял меня под руку. — Лучше всего у нас работает то, что сделано через…

— Агностий Переславлевич! — осуждающе воскликнул заместитель начальника поста.

— Поверь мне, Давыдов, — пророкотал Каменев, — эта штука точно сработает. Сам два раза пробовал — никогда не забуду.

— Ну хватит болтовни — пора отправить эту дрянь в какую-нибудь преисподнюю. — Архитипов открыл дверь и осторожно выглянул в коридор. — Значит так, для большей эффективности предлагаю разделиться — я и Агностий Переславлевич возьмем на себя часть здания ближе к входу, а Андрон и Кирюшка — другую сторону…

— Так нечестно! — С какого-то перепуга мне захотелось стать героем.

— Да не спеши ты, на твой век хватит, — ответил мне Хитроопенко цитатой из знаменитого фильма, и они вышли из кабинета.

Я посмотрел на Каменева:

— Что будем делать?

Андрон разглядывал черный шарик на просвет:

— Работу нам оставили непыльную, так что я пойду осмотрю кабинеты, а ты иди по коридору до пожарной двери. Там, правда, тупик — она закрыта со времен постройки этой халабуды, но на всякий случай проверь.

Мы вышли в коридор. Каменев тут же нырнул в соседний кабинет и захлопнул за собой дверь, после чего у меня возникло подозрение, что еще не все запасы «Hennessy» уничтожены. Сначала я хотел зайти следом, но потом махнул рукой и уныло поплелся по пустому холлу отдела таможенного оформления в сторону тупика с маленькой буквы.

Ну почему так всегда? Ты делаешь самую сложную и трудоемкую работу, а на лаврах почивает руководство. Всё-таки, что бы там ни говорили разные Далай-ламы, Сиддхартхи Гаутамы и прочие Махатмы, жизнь несправедлива во всех своих проявлениях. С этими мрачными мыслями я дошёл до ржавой двери, единственным украшением которой были свисающие лоскуты облупившейся краски, потрогал старый навесной замок и разочарованно зевнул.

В этот момент раздался гулкий звук, как будто кто-то этажом ниже ударил по потолку кувалдой. Пол затрясся, вместе с ним задрожали стены, а я, чтобы не упасть, вжался в дверной проём. Сработали инстинкты. Еще ребенком я где-то читал, что это лучший способ спастись, если во время землетрясения не успел выбежать наружу.

Удар повторился снова, а затем ещё и ещё раз. С потолка посыпалась штукатурка. Где-то на улице завыла сигнализация. Я нервно сглотнул, плохо представляя, что делать дальше. Вдруг линолеум в десяти шагах от меня вздыбился, как надутая жевательная резинка, и с сокрушительным хлопком лопнул, обдав всё вокруг бетонной крошкой. Я закрыл голову руками. По телу прошлась шрапнель цементированных осколков. К счастью, большинство из них имело весьма скромный калибр, что спасло мой бренный корпус от серьезных ранений. Из дырищи посреди коридора появилась знакомая морда, в складках которой читалась легкая неприязнь. Эдуда кэв'ира повернулся в мою сторону и, демонстрируя всю красоту своего внутреннего мира, издал оглушающий вопль.

Плохо понимая, что делаю, я бросил МВД себе под ноги и оцепенело застыл. Шарик разбился, но ничего не произошло. Великий червь, не переставая работать сиреной, бросился ко мне. За пару секунд до того, как его кварцевые зубы коснулись моего лица, между нами открылся портал. Я хорошо разглядел полупрозрачный пейзаж неведомого мира, после чего чудовище нырнуло в голографическую картинку, раздался хлопок, и портал исчез. В воздухе, как после грозы, запахло озоном.

Я запоздало вздрогнул и вытер струившийся по вискам пот. Судя по топоту, ко мне приближались менее удачливые охотники.

— Осторожно! Там дыра! — крикнул я — После черветрясения бетонная пыль создала настоящую дымовую завесу.

Первым, бесстрашно перепрыгнув преграду, подбежал Каменев. Он молча протянул мне, как я и предполагал, едва початый флакон коньяка, дождался, пока я жадно отхлебну и лишь после этого спросил:

— Ну?

— Баранки гну! Был червь, да вышел весь, — не в рифму, зато задорно ответил я.

— Герой! — Архитипов вслед за Андроном Зиновьевичем попытался перемахнуть препятствие, скакнул, но, потеряв равновесие, чуть не рухнул в бездну.

— Ты эта… — Хитроопенко, как самый умный, обходил дыру осторожно по стенке. — Видал хоть, куда он отправился?

Я задумался, и тут улыбка стала медленно сходить с моего героического лица. Картинка портала встала перед глазами так чётко, как будто я наблюдал её всю жизнь, а не несчастные две секунды. В том мире был день, светило яркое солнце, легкий ветер колыхал зеленые верхушки пальм, а за пальмами возвышались утонченные контуры прозрачных пирамид, переливающихся всеми цветами радуги.

— Кирюшка! — Архитипов похлопал меня по щекам. — Ты в порядке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.